

V.V. Alekseyev
E.V. Alekseyeva
K.I. Zubkov
I.V. Poberezhnikov

ASIATIC RUSSIA

in geopolitical
and civilizational
dynamics

*
16th–20th
centuries

MOSCOW NAUKA 2004

В. В. Алексеев
Е. В. Алексеева
К. И. Зубков
И. В. Побережников

Азиатская россия

в геополитической
и цивилизационной
динамике

*
XVI–XX
века

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А35

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00583д

Руководитель авторского коллектива
академик *В.В. Алексеев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.П. Тимошенко*,
доктор исторических наук *А.В. Трофимов*

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО. – М.: Наука, 2004. – 600 с. – ISBN 5-02-009858-2 (в пер.)

Монография представляет собой одно из первых комплексных исследований истории регионов азиатской части России на протяжении 400 лет их развития в составе Российского государства. Существенное внимание уделяется раскрытию многофакторного влияния восточных регионов на процессы геополитического самоопределения России, складыванию ее культурно-цивилизационного облика. Выявлены механизмы формирования региональной структуры Азиатской России, ее вклад в экономический, социально-политический и культурный прогресс страны.

Для историков, экономистов.

ТП 2004-II-№ 240

Научное издание

Алексеев Вениамин Васильевич, Алексеева Елена Вениаминовна,
Зубков Константин Иванович, Побережников Игорь Васильевич

**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ. XVI–XX века**

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.М. Черемных*. Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*. Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко, М.Д. Шерстенникова*

Подписано к печати 12.04.2004. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 37,5. Усл.кр.-отг. 38,0. Уч.-изд.л. 43,6

Тираж 1000 экз. (РГНФ – 300 экз.) Тип. зак. 9966

Издательство "Наука", 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-009858-2

© Алексеев В.В., Алексеева Е.В.,
Зубков К.И., Побережников И.В., 2004

© Российская академия наук, 2004

© Издательство "Наука", художественное
оформление, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I	
Геополитическая и цивилизационно-культурная динамика развития	21
1. Геополитические детерминанты развития в XVI – начале XX века ..	21
2. Геополитическая стратегия в XX веке	78
3. Цивилизационно-культурные взаимодействия	159
Глава II	
Освоение Азиатской России в сравнительно-исторической ретро- спективе	204
1. Компаративный подход к изучению колонизации	206
2. Сравнение процессов освоения Азиатской России и США	218
3. Идеология экспансии в России и США	291
Глава III	
Формирование региональной идентичности	319
1. Административно-политический фактор освоения: опыт имперского периода	319
2. Проблемы административно-территориального устройства в XX веке	357
3. Власть и коренные народы Сибири (XVI–XX века)	389
4. Сибирское областничество: истоки и эволюция	411
5. Политический регионализм в Азиатской России: уральский прецедент	448
Глава IV	
Вклад восточных регионов в развитие российской цивилизации и госу- дарственности	489
1. Место восточных регионов в общероссийском экономическом по- тенциале	489
2. Влияние восточных регионов на социально-политическое и культурное развитие России	540
Заключение	573
Summary	587
Указатель имен	589

CONTENTS

Introduction	7
Chapter I	
Geopolitical, Civilizational and Cultural Dynamics	21
1. Geopolitical Determinants of Development in the 16th – Early 20th Centuries	21
2. Geopolitical Strategy in the 20th Century	78
3. Interaction of Civilizations and Cultures	159
Chapter II	
Colonization of the Asiatic Russia in Comparative Retrospective	204
1. Comparative Approach to the Study of Colonization	206
2. Comparison of Colonization Processes in the Asiatic Russia and the USA	218
3. Ideology of Expansion in Russia and the USA	291
Chapter III	
Formation of Regional Identity	319
1. Administrative and Political Factor of Colonization: Experience of the Imperial Period	319
2. Issues of Administrative and Territorial Organization in the 20th Century	357
3. Authorities and Indigenous Peoples of Siberia	389
4. Siberian Oblastnichestvo: Genesis and Evolution	411
5. Political Regionalism in the Asiatic Russia: the Urals Case	448
Chapter IV	
Contribution of the Eastern Regions to the Development of Russian Civilization and Statehood	489
1. Position of the Eastern Regions in the Russian Economical Potential	489
2. The Impact of the Eastern Regions on the Social, Political and Cultural Development of Russia	540
Conclusion	573
Summary	587
Index	589

ВВЕДЕНИЕ

Столетие назад выдающийся русский историк В.О. Ключевский, характеризуя исходный базис русской истории, поставил сакраментальный вопрос: “сколько Азии в Европейской России”¹, – вопрос, на который историческая наука до сих пор не дала внятного и полного ответа. Со временем он трансформировался в проблему исторической взаимосвязи развития двух составных частей Российского государства – Европейской и Азиатской. В самом деле, как и насколько глубоко повлияла Азиатская Россия на развитие европейской части страны, на всю российскую историю, в какой степени она определяет перспективы России в XXI в.?

В условиях децентрализации постсоветского политического пространства в начале 1990-х годов экономическая и социальная ситуация на востоке страны предельно обострилась, и инерция этих негативных тенденций дает о себе знать вплоть до настоящего времени. Рыночные реформы 1990-х годов поставили в чрезвычайно тяжелое положение прежде всего отдаленные восточные и северные районы страны, которым трудно выживать без достаточной государственной поддержки при колоссальном росте транспортных затрат. Только за 1990–1994 гг. железнодорожные тарифы в стране выросли в 5 тыс. раз, усугубляя изоляцию восточных окраин от Европейской России.

Между тем после распада СССР и утраты Россией благоприятных для жизни человека южных районов основное “жизненное пространство” страны как бы сдвинулось на северо-восток. Ныне районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, устойчиво расширяющиеся по мере движения на восток, составляют 70% территории государства. Они катастрофически быстро теряют свое население. По некоторым оценкам, за 1990-е годы “самые азиатские” части России – Восточная Сибирь и Дальний Восток – покинули более 1 млн человек. Урал и Западная Сибирь в эти годы получили небольшой приток населения только за счет его убыли в еще более восточных регионах и миграции из стран СНГ². Если учесть и без того слабую заселенность регионов Азиатской России, то станет оче-

видной сложившаяся здесь критическая демографическая ситуация, которая сама является чутким индикатором общего экономического и социального неблагополучия. Населенная территория страны продолжает сжиматься в западном направлении.

В связи с этим сегодня со всей остротой встает вопрос о судьбе Азиатской части России. Существует немало влияющих на “траекторию” этой судьбы сложных вопросов, на которые затрудняются дать ответ экономисты и политологи, привлекаемые в настоящее время к разработке моделей будущей стратегии участия России в экономических и политических процессах Азиатско-Тихоокеанского региона – региона, имеющего, по общему признанию, большие перспективы в XXI в. Во многом это связано с тем, что стремление заглянуть в ближайшее будущее недостаточно опирается на исторический подтекст современных проблем, на сложившиеся стереотипы и модели восприятия Азиатско-Тихоокеанского региона в России и самой России в странах Восточной Азии. Столь же мало осмыслены пока что и исторические уроки, касающиеся опыта позиционирования Российского государства в своих азиатских владениях, приобретенных, по историческим меркам, не столь уж давно.

А вопросы эти сегодня должны формулироваться предельно остро: готова ли интеллектуальная и политическая элита России в действительности (на уровне традиционного сознания, внутренней убежденности, а не на словах) признать Азиатскую Россию родиной россиян? Легко отказавшись от Украины, четыре столетия входившей в состав Российского государства, не продемонстрировала ли она готовность легко согласиться с теми, кто считает, что не только дальневосточное побережье, но и Сибирь для России – это “чужая земля”, “осколок” российско-советской колониальной империи и слишком тяжкая ноша для государства, стремящегося вернуться в респектабельное сообщество европейских государств? Что, помимо абстрактных экономических расчетов, неоформленных политических амбиций и смутно проецируемых национальных интересов, может служить для России стимулом в борьбе за ее признание “своей” в Центральной и Восточной Азии, на берегах Тихого океана?

Эти вопросы далеко не праздны и напрямую касаются дальнейшей судьбы Российского государства. В 1990-е годы, как идейная капитуляция перед тенденциями кризиса и территориального распада, настойчиво раздавались голоса о необходимости “сжатия” эффективно используемого пространства страны. Вот один из них: “Мы отдаем нашим необъятным просторам больше, чем мы получаем от них, они как бы высасывают соки из организма страны, постоянно подталкивая ее на путь экстенсивного развития. И если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран”³. Конечно, в условиях системного кризиса трудно обеспечить достойную жизнь российским гражданам на “задворках” бывшей империи. Но и

бросать их в волны разбушевавшейся стихии нельзя. В противном случае эти волны вскоре докатятся до исторических границ Московского княжества.

Где же выход? Разумеется, он лежит в оптимизации использования нашего огромного пространства. И здесь встает первостепенный вопрос: как им распоряжались в исторической ретроспективе, что государство от этого приобретало, а что теряло, каков баланс побед и поражений? Только получив объективный ответ на данные вопросы, мы сможем правильно определить перспективу. Следовательно, задача заключается в том, чтобы проанализировать исторический опыт освоения и развития Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике.

Первым же условием такого анализа должно стать определение самого концепта “Азиатская Россия”. Несмотря на известный “географизм” этого понятия (в основе которого привычное, во многом формализованное, деление территории страны на Европу и Азию), за ним, на наш взгляд, стоит вполне определенное и значимое историческое содержание.

Прежде всего Азиатская Россия представляет для Российского государства такой же “Новый Свет”, каким для европейских держав являлась Америка. Во многом открытие Америки и покорение Урала и Сибири синхронизированы и качественно сходны, как процессы, принадлежащие эпохе Великих географических открытий и расцвета международной торговли (так называемая первая глобализация). Утвердившийся и здесь, и там переселенческий характер колонизации не вызывает сомнений. Граница между “Старым” и “Новым” Светом России определяется достаточно точно. Течение Волги и Русский Север – это территории если не русские изначально, то входившие в круг известных земель и “царств”, с которыми Российское государство имело тесные, давние и политически непростые исторические связи. Но уже строгановское Приуралье и Югра представляют собой нечто другое: это, как правило, редко населенные, в государственном отношении практически не оформленные “пустые земли”, а само русское продвижение на эти земли во многом являлось “выходом в неизвестность”.

Специфика Азиатской России в этом отношении выясняется относительно просто: это вся сумма видоизменений, которые претерпевает русская культурно-цивилизационная “матрица” в процессе колонизации под влиянием новой природно-географической среды, новых хозяйственных возможностей и новых исторических задач. Сохраняющийся русский характер освоения Азиатской России не подлежит сомнению, и в этом отношении она, будучи продуктом исторического “исхода” из Европейской России, оказывала на последнюю обратное влияние – геополитическое, экономическое, культурное. Это влияние следует рассматривать не как внешний фактор, но как момент внутренней трансформации.

Однако отличие освоения Азиатской России от освоения Америки заключается в том, что на всем протяжении от Урала до Тихого океана русская колонизация “новых” земель территориально очень плотно сопрягалась с ареалами влияния других цивилизаций Старого Света, которые также осуществляли экспансию на территорию сибирского “Нового Света”. Отсюда переплетение задач освоения и заселения Азиатской России с задачами военной обороны и геополитики. Русская колонизация на территории Азиатской России, если не уничтожала и не вытесняла “анклавы” влияния других цивилизаций, то, несомненно, подчиняла, интегрировала или ассимилировала их, утверждая при этом отчетливую доминанту русско-православной культурно-цивилизационной идентичности.

Таким образом, южная граница Азиатской России определяется в этом контексте достаточно четко: это граница между областью бесспорного демографического, социально-экономического и культурного преобладания русского населения и теми областями, где русская экспансия не смогла изменить фундаментально основы экономики, культуры и быта коренного населения (Казахстан и Средняя Азия). Последние сохранили свои исходные культурно-цивилизационные параметры.

Отвечая на вопрос о том, что специфически “азиатского” несет в себе исторический опыт Азиатской России, можно констатировать следующее. Азиатскую Россию можно было бы считать механически перенесенным в Азию “слепок” России Европейской, если бы освоение восточных регионов сопровождалось полным вытеснением антагонистически “чуждых” ей цивилизационных начал и неспособностью найти способы конструктивного взаимодействия с ними, как это имело место в Северной Америке. Тогда мы имели бы классическую модель европейской колонизации со свойственным ей высокомерием “европоцентризма”.

Азиатская же Россия дает нам несколько другой, адаптивно более гибкий и конструктивный вариант взаимодействия с азиатскими цивилизациями, при котором она более или менее успешно принимает в себя многообразные влияния Востока, но “переформатирует” и синтезирует их в соответствии с исходной культурно-цивилизационной доминантой. В этом отношении опыт развития Азиатской России имеет целый ряд замечательных совпадений с формированием столь же “симбиотической” по своему происхождению иберо-американской цивилизации.

В понятие “Азиатская Россия” изначально вкладывается более емкий и содержательный смысл, чем допускает анализ исторического развития этой части России в разрезе отдельных составляющих ее фрагментов-регионов: Урала, Сибири и Дальнего Востока. В последнем случае, следуя традициям русской “государственной” школы историографии XIX в. (как и ее советских “модификаций”), указанные регионы могут и неизбежно будут рассматриваться лишь как

пространственные и ресурсно-силовые факторы “прирастания” российского могущества (и прежде, и теперь отождествляемого главным образом со “столичным” сегментом национального развития и политическим азимутом европеизма). Во всемирно-историческом масштабе, при обращении к “соразмерным” этому видению исторического процесса концепциям, данная “точка отсчета” практически не изменяется: восточные регионы России по-прежнему будут осмысливаться как этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в “перекодированном” русском варианте) на мировую периферию. Преодоление сложившегося стереотипа, вероятно, возможно на путях не столько отдельных историографических уточнений, сколько основательной историософской инверсии всего российского исторического опыта.

Речь идет о принципиально новом, глубоком историософском переосмыслении одной из двух относительно самостоятельных сущностей исторической России, участвовавших в формировании того оригинального цивилизационного феномена, который описывается в терминах так называемой евразийской идентичности. В работах “евразийцев” 1920–1930-х годов были сделаны лишь первые, во многом полемически поспешные, попытки “открыть” и полноценно, на равноправных основаниях, ввести в русскую историю азиатскую тему во всем ее интегральном значении. Как жесткая геополитическая и социокультурная антитеза западной, “европейско-петербургской” концепции истории России, это “азиатство” либо выливалось в изоцированную, почти модернистскую, игру в восточные мотивы и реминисценции, либо страдало искусственным “симфоническим” синтетизмом (вроде идеи об органическом “славяно-тюркском” симбиозе, о северном тюркском исламе как “потенциальном” православии и т.п.).

В XX в. в историографии – причем западной, а не русско-советской – были сделаны попытки радикально переосмыслить доминирующую историческую схему развития Азиатской России, применив к российским реалиям разработанную Ф. Тернером концепцию “фронтира” (А. Лобанов-Ростовский, Д. Даллин, А. Малоземофф, В. Вусинич, М. Хаунер, М. Бэссин и другие)⁴. Концептуальная новизна подхода заключалась прежде всего в двух аспектах: во-первых, в рассмотрении Азиатской России как самостоятельного центра “кристаллизации” российской исторической жизни, воспроизведенного не столько “московско-петербургскими” замыслами и стратегиями, сколько принципиально новым – азиатским – природным, этническим, геополитическим и цивилизационным окружением континентального масштаба; во-вторых, в попытке исследования того, как уралосибирский “фронт” инверсивно (возвратным образом) воздействовал на российское общество и его институты, на культурно-психологический склад россиянина, на национальные цели и приоритеты. Метафорически этот взгляд предполагает, что российская

цивилизация, ее сущностные свойства формировались в пространстве пересекающихся геополитических импульсов и культурно-цивилизационных иррадиаций, исходящих от двух обращенных друг к другу исторических “зеркал” – европейского и азиатского.

Разумеется, такой подход далеко не прост. С нашей точки зрения, существует несколько порогов, которые необходимо преодолеть исследователю для того, чтобы по-новому взглянуть на историческую роль азиатских владений России – как их необходимо преодолеть и самой России для того, чтобы считаться не только европейской, но и полноценной восточноазиатской и тихоокеанской державой. В значительной степени эти пороги – интеллектуально-психологического и культурно-цивилизационного, а не географического, политического или экономического свойства. И корни их – в исторических традициях, инерции исторического мировосприятия, культурных стереотипах нашего общества.

Новый взгляд на второй, азиатский, исторический лик России требует аналитически тонкой и концептуально осмысленной сепарации исторических тенденций, событий и фактов, помещения их в совершенно иные, чем прежде, контексты и структурные построения. И если за европейски-ориентированными концептуализациями российской истории сегодня стоит вся мощь сложившегося историографического стереотипа, то азиатски-центрированная “программа” исследований угадывалась до сих пор лишь в общих очертаниях – в большей степени в широком спектре общественных и литературно-публицистических опытов (расколоучители, сектанты, местные историки, общественные деятели областнического направления, просвещенная часть местной бюрократической элиты и торгово-промышленных кругов, “евразийцы” и другие), чем в регулярном потоке исторических исследований.

Есть здесь трудности и другого порядка. Известно, что на Тихом океане Россия вела себя исключительно как “великая держава” с глобальными, но не региональными интересами и сознательно не использовала преимущества своего регионального положения. Азиатские владения России в основном воспринимались и эксплуатировались в режиме избирательного освоения отдельных провиденциально богатых источников сырьевых ресурсов или в виде передового стратегического форпоста, держащего оборону перед лицом таинственной, неведомой Азии. Использовать их иначе означало ставить во главу угла своей политики регионализм, т.е. видоизменение основных функций и задач государственного управления сообразно особенностям азиатского геополитического и цивилизационного контекста, что неизбежно влекло бы за собой предоставление определенной степени самостоятельности (главным образом экономической) сибирским и дальневосточным областям. А это зачастую рассматривалось как смертельная угроза централизованной структуре управления, неважно – в XVIII, XIX или XX в. Но не становятся

ли в этих условиях отраженные в истории темы и сюжеты, связанные с подъемом регионализма восточных окраин, более ценными в их современном, эвристическом звучании, пусть даже в виде слабых ростков самосознания и исторических альтернатив?

Политика России в Азии и особенно на Тихом океане всегда была предметом критики как в самой России, так и за ее пределами. Существует широко распространенное мнение, что, за исключением очень коротких отрезков истории, Россия в основном пренебрегала Азией и азиатским направлением в политике, отчего и в самой Азии ей платили тем же. Объяснений тому существует много, начиная с географической отдаленности территорий и кончая традиционным европоцентризмом русских. Как, например, констатировал крупнейший американский специалист по истории российского Дальнего Востока Дж. Стефэн, "Азия традиционно занимала низкое место в иерархии российской внешней политики. Действительно, монголы привлекали главное внимание в средневековых Киеве и Москве, но с XVI века азиатская угроза была погребена волнами успешной экспансии на восток и юг. Европа стала главным военным, политическим и экономическим приоритетом в российской политике, который в последние четыре столетия постоянно поддерживался вызовами со стороны Польши, Швеции, Франции и Германии"⁵.

Можно доказывать, что и в дальнейшем исторические ситуации складывались так, что Россия действовала на азиатских направлениях и на Тихом океане в основном в пассивном режиме (т.е. не столько отстаивая свои интересы в Азии, сколько реагируя на внешние импульсы и угрозы интересам Европейской России, исходившие из Азии). В этой связи встает ряд вопросов. Какова же все-таки функциональная роль азиатских территорий России в развитии мировой цивилизации? Мифический "мост" между Европой и Азией, о котором грезят экономисты и политики? Буфер между цивилизациями? Демпфер для смягчения китайской экспансии на запад? Способна ли Россия переключиться на режим активного поиска своего места в Азиатско-Тихоокеанском регионе как "евразийской" державы, и есть ли к тому исторические основания?

Разумеется, при всех критических выпадах (даже вполне оправданных) азиатскую сцену русской истории нельзя считать только бледным отражением европейской и отрицать за ней всякое влияние на корневые основы российского цивилизационного типа. Например, уже исторический по своему значению переход русской цивилизации за Урал в 80-е годы XVI в. положил начало не только тому, что мы называем сегодня Азиатской Россией, но и глубокой трансформации сложившегося за предшествующие два столетия русского государственного типа – переходу от национального государства европейской периферии к "евразийской" многонациональной империи, строительство которой в основных чертах завершилось при Петре I. По-видимому, данный факт нельзя упрощенно сводить к гео-

графическим изменениям государственной территории и этнического состава страны – он оказал влияние на весь культурно-политический и социальный строй России. Можно сказать, что переваливший через Уральский хребет русский колонизационный поток одновременно открыл процесс трансляции определенных социокультурных моделей и установок в обратном направлении – уже с восточных окраин в Европейскую Россию.

Геополитически также было бы не вполне верным рассматривать зарождение Азиатской России исключительно в категориях формирования ресурсного тыла, подкреплявшего базисную архитектуру европейской внешней политики России. Первичным фактом относительно оформления основных векторов европейской политики России следует, по-видимому, считать ту новую интегральную геополитическую конфигурацию силы, в которую Азиатская Россия – по крайней мере с эпохи Петра I до эпохи Сталина – вписывалась не только ресурсно-силовым дополнением, но и стратегически важным соединительным звеном.

Проблемный ракурс, связанный с выявлением многоаспектного вклада Азиатской России в могущество нашей страны, возможен, на наш взгляд, только при соблюдении двух основополагающих условий.

Во-первых, он связан с постановкой в центр исторической субъектности (а следовательно, и исследовательской “точки отсчета”) именно Азиатской России, а не России в целом, и, коль скоро такая достаточно выраженная субъектность будет обнаружена, с прорисовкой из этого центра основных геополитических и культурно-цивилизационных проекций и векторов влияния, распространяющихся не только на российскую историческую сцену, но и на мировую. (Значение данных проекций – как внутринациональных, так и внешних, – с точки зрения жизненно важных основ существования самой Азиатской России, может вполне уравниваться и даже обретать обратные соотношения.) История Азиатской России не менее богата неповторимыми, яркими событиями, чем история России Европейской. На протяжении последних полутора столетий Урал, Сибирь и Дальний Восток были для России и зоной перманентно повышенной политической конфликтности, и ареалом интенсивного культурно-цивилизационного взаимодействия, и ареной противостояния, полигоном идеологических войн и конфликтов, исключительно уязвимой – с военно-политической и экономической точек зрения – территорией, а в силу этого – зоной, безусловно, одностороннего, но стратегически важного для страны экономического развития, нестабильного и мигрирующего, но, безусловно, социально-активного и патриотично настроенного населения, затратной и постоянно проблемной, но необходимой для России территорией.

История Азиатской России – величина, несомненно, амбивалентная. Соседство и периодическое обострение враждебных отно-

шений с такими державами, как Китай, Япония, США, сложности с поддержанием контроля над территориями Центральной Азии ставили на первое место для России, а потом и СССР задачи защиты его политических и экономических границ. В условиях превращения СССР в “осажденный военный лагерь” Азиатская Россия фактически стала хорошо укрепленным оборонительным рубежом и территорией с повышенным уровнем милитаризации экономики и всей жизни, а дальневосточные границы – еще и зоной перманентной политической конфликтности. В советское время Дальний Восток стал ареной идеологических войн и конфликтов (против “японского милитаризма”, “китайского экспансионизма”, “американского империализма”). Каждый из этих шаблонов нес не только идеологическую, но и определенную этнокультурную нагрузку. Хотя в то же самое время территории Сибири воспринимались в национальном самосознании как территории с более высоким уровнем личной свободы и меньшими бюрократическими препонами, а особый статус того же самого Дальнего Востока как морских ворот СССР придавал ему функцию своеобразного информационного канала, впускного клапана, через который шла передача “западной идеологии”, разрушавшей устои тоталитарного государства.

Вся тонкость нового концептуального подхода к анализу истории Азиатской России заключается как раз в возможностях выявления неявного, скрытого, существовавшего в виде устойчивых, но недостаточно сильных по своей энергетике тенденций. Исторический опыт убеждает нас, что реальность этих процессов и влияний, превращавших Азиатскую Россию в самостоятельный центр исторической активности русских людей, должна определяться не только и не столько в количественных параметрах силы, сколько в категориях исторической инициативы, и не столько, может быть, в санкционированных Петербургом или Москвой приращениях имперской территории, сколько в создании совершенно новых региональных “миров” (от мистического Беловодья до экзотической маньчжурской “Желто-России” и Русской Америки) и перспективных геополитических проектов.

Во-вторых, очевидно, что предлагаемая концепция исследования принципиально реализуема только при целостном ретроспективном взгляде на историю Азиатской России в протяженности нескольких столетий. Здесь геополитическому масштабу охвата событий и сюжетов, мышлению категориями континентов и океанов наилучшим образом соответствуют исключительно продуктивные импликации броделевской концепции “длительного времени” (*longue durée*), открывающей простор для многоаспектного структурного анализа. Только при таком масштабном взгляде возможно выявление исторических ритмов развития Азиатской России, которые, как показывает даже первое, беглое обозрение тенденций и событий, существенно разнились с общероссийскими (особенно на ис-

ходе XIX – начале XX в.), в ряде случаев опережали их, подчас в большей степени сближая Азиатскую Россию с окружающей ее Азией, чем с собственно “коренной” Россией. Вместе с тем историческая ретроспектива – это, вероятно, единственное вполне специфическое историческое “пространство”, в котором исследователь может двигаться максимально свободно, закономерно переходя к рассмотрению перспективы.

На примере Азиатской России можно обнаружить, что даже при доминировании отчуждения и конфликтности история продвижения России “встречь солнца” имела и замечательные образцы глубокого понимания Востока и теснейшего вхождения в контекст азиатских реалий. Раннее историческое развитие восточноазиатских и европейских цивилизаций шло по принципиально разным путям. Это было осознано уже при первых достаточно тесных контактах Китая, Японии и Кореи с морскими державами Европы на прибрежных территориях и с Россией на севере в XVI–XVII вв. Следствием этих контактов стала самоизоляция конфуцианских стран, что можно считать их неосознанной реакцией на угрозу подрыва устоев собственных цивилизаций. Однако последние полтора столетия – с 40-х годов XIX в. до 90-х годов XX в. – в Восточной Азии прошли под знаком не столько цивилизационного, сколько политического и идеологического противостояния, и лишь окончание холодной войны, новые веяния в мировой политике вновь вывели на передний план старые (и извечные) ценностные ориентиры.

Беспрецедентным историческим феноменом во всем восточно-азиатском регионе во второй половине XX в. стало смешение западной и восточной культур. Происходило оно на основе мощного экономического спурта, предпринятого странами Восточной Азии в 1970–1980-х годах, сближения уровней технологического развития и усиления экономической взаимозависимости стран различных частей света. Его составляющими стали: влияние политической (идеи демократии) и отчасти духовной (“массовой”) культуры Запада, с одной стороны, и восприятие последним элементов духовных ценностей, личностных и общественных ориентиров стран Восточной Азии, с другой. Наибольший интерес Запада вызывает высокая степень социальной стабильности и организованности восточноазиатских обществ.

Взаимодействие цивилизаций всегда происходит очень трудно. По мнению С. Хантингтона, предрекающего не их слияние, а столкновение, экономический регионализм может быть успешным лишь в том случае, если он проистекает из общей цивилизации. Поэтому, например, определенные проблемы с созданием экономической общности в Восточной Азии возникают не только у Австралии, как типично западного по происхождению общества, но и у Японии, представляющей уникальную, но все же в основе азиатскую цивилизацию⁶. Культурные отличия Японии не только от Европы, США и

России, но и от других восточноазиатских стран препятствуют региональной экономической интеграции, подобной той, что сложилась в границах Европейского Союза как выразителя европейской цивилизационной общности.

Однако в истории были и периоды тесного взаимодействия славянской и восточноазиатской культур, которые охватывает всего лишь полтора столетия (с середины XIX в.). Первый период (до середины 30-х годов XX в.) был открыт для широких межэтнических и межкультурных контактов. Зоной наиболее тесного взаимодействия стали Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток. Тогда обнаружилась очень слабая адаптивность народов региона друг к другу, однако это не становилось непреодолимым препятствием к общению народов и цивилизаций. В период перед Первой мировой войной зона китайской трудовой иммиграции в Россию простиралась до Урала, а русские экономические инициативы совершенно определенно запечатались в истории Маньчжурии. Во второй период "дистанционного" взаимодействия (40–80-е годы XX в.) контакты между двумя цивилизациями поддерживались преимущественно на уровне межгосударственных связей и регулировались политическими и идеологическими мотивами. С начала 1990-х годов вновь возникли возможности для прямого межкультурного обмена, однако стереотипы предшествующего периода конфронтации, накладываясь на объективно существующие этнокультурные различия между народами, оказывают сильное влияние на всех его участников.

Особенно явственно культурно-цивилизационные отличия соседних народов проявились в процессе их взаимодействия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России и вылились в постоянно присутствующий в умах его славянского населения и бюрократии синдром "желтой опасности", по сегодняшний день существенно влияющий на взаимоотношения с соседями как на региональном, так и на межгосударственном уровнях.

По мнению многочисленных экспертов, с культурно-цивилизационной точки зрения Россия сегодня мало что может предложить для того, чтобы быть принятой в Восточной Азии. Православное христианство может сосуществовать и взаимодействовать с конфуцианством, буддизмом, даосизмом, синтоизмом, но не более того. России трудно вписаться в общество, где более всего ценятся рабочая этика и деловая квалификация, стабильность и социальная гармония, приверженностью которым россияне никогда не отличались. И хотя в России так же, как и на большей части территории Азии, существует глубокая традиция уважения сильного правительства и общественного порядка, а в социально-психологическом плане, как считают некоторые исследователи, рассматривающие проблему со стороны, японский внутрифирменный коллективизм россиянам ближе, чем европейский либеральный индивидуализм, попытки заре-

зервировать за россиянами право быть “азиатами” (с чем могла бы согласиться цивилизованная Европа) всегда будут восприниматься в Азии как искусственные и недобросовестные (вроде конъюнктурной попытки атамана Семенова отделить сибиряков от русских, объявив их “азиатами”).

Одного только наличия общих черт, конечно, недостаточно, чтобы преодолеть барьеры, отделяющие Россию от Азии. Тем более что сама Азия сегодня уже не настроена на восприятие ценностей славянской цивилизации. Более 100 лет назад в Японии Россия была отнесена не к цивилизованным, как США или Голландия, а к просвещенным (наряду с Италией и Португалией) странам, которым не должно подражать. Сегодня говорят о перспективах создания новой азиатско-тихоокеанской цивилизации на основе сочетания ценностей китайской и индокитайской цивилизаций с японской и американской. О славянской вновь не вспоминают, и это очень тревожно. Обращение к позитивному историческому опыту взаимодействия славяно-русской цивилизации с Востоком в этих условиях становится исключительно важным.

Сегодня тот разрыв (если не сказать “вакуум” перспективы), который образуется между степенью государственного безразличия к интересам населения Азиатской России и предсказываемым “контрнаступлением” восточноазиатских цивилизационных моделей прогресса в XXI в., может рассматриваться как одна из самых серьезных геополитических угроз если не государственному существованию России, то по крайней мере ее позициям в Азии и на Тихом океане. Это незримо, но властно диктует необходимость формирования той особой “системы координат”, той самостоятельной “точки отсчета”, в которой Азиатская Россия может черпать свое собственное достоинство и жизнеспособную философию развития.

Теоретико-методологические подходы к исследованию истории Азиатской России в таком новом прочтении смыслов заложены уже в самой формулировке проблемы. Предстоит соотнести пространственные и цивилизационные координаты в длительной исторической ретроспективе, или динамике. Геополитика позволит осмыслить взаимодействие человека и пространства, географические, межэтнические и межгосударственные аспекты анализируемого объекта, его управляемость, а цивилизационный критерий даст возможность проследить сменяемость господствующих культурных парадигм (в самом широком смысле этого слова), их взаимодействие в процессе исторического развития. Особого внимания требует тема модернизации, под которой понимается переход от традиционного (аграрного) к современному (индустриальному) обществу. Существенная часть обозначенных выше хронологических рамок приходится именно на этот модернизационный переход, который в значительной степени определяет нынешнее состояние изучаемого объекта и позволяет делать вывод о его соответствии мировым стандартам на-

шего времени, что принципиально важно для определения перспектив дальнейшего развития.

С окончанием холодной войны и открытием российских границ напряженность в отношениях с соседними странами заметно спала, но стратегическая значимость восточных рубежей для России возросла по причине потери ею части южных и западных выходов к океану. Кроме того, на сегодняшний день окончательно не разрешены пограничные споры России с Китаем (острова на Амуре) и Японией (Курильские острова), возможна реанимация претензий на юг Приморья со стороны объединенной Кореи, много “подводных камней” таят в себе проблемы шельфа и морских экономических зон. В свете трудных вопросов, которые ставит новое геополитическое положение страны, значение территорий Азиатской России для судеб страны становится во многом определяющим, учитывая и перспективы международной экономической кооперации в потенциально самом богатом на Земле Азиатско-Тихоокеанском регионе, и роль сибирских и дальневосточных ресурсов в поддержании российской экономики и государственного бюджета. Но есть и благоприятные шансы на успех нового “восточного азимута” современной российской политики: овладев в свое время Тихоокеанским побережьем, Россия стала единственным европейским государством, имеющим общую границу с восточноазиатскими цивилизациями, обширную естественно-географическую зону прямых контактов.

Такой подход к интерпретации феномена Азиатской России был заявлен нами в конце прошлого века⁸. Теперь наступило время его реализации. Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность своим коллегам из Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, принявшим участие в его обсуждении, высказавшим ценные замечания и предоставившим свои материалы, прежде всего докторам исторических наук В.А. Ламину и В.Л. Ларину. Особая признательность научным сотрудникам Института истории СО РАН, принявшим непосредственное участие в подготовке разделов монографии – докторам исторических наук М.В. Шиловскому и И.Н. Гемуеву, кандидатам исторических наук В.Н. Курилову и А.А. Люцидарской.

Разделы монографии написаны:

Введение – В.В. Алексеевым;

Глава I: разделы 1 и 2 – К.И. Зубковым; раздел 3 – И.В. Побережниковым.

Глава II – Е.В. Алексеевой.

Глава III: раздел 1 – И.В. Побережниковым; раздел 2 – К.И. Зубковым; раздел 3 – И.Н. Гемуевым, В.Н. Куриловым, А.А. Люцидарской; раздел 4 – К.И. Зубковым, М.В. Шиловским; раздел 5 – К.И. Зубковым.

Глава IV: раздел 1 – В.В. Алексеевым; раздел 2 – К.И. Зубковым, И.В. Побережниковым.

Заключение – В.В. Алексеевым.

ВКЛАД ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. МЕСТО ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ

Восточные районы России на протяжении всей ее истории, особенно в XX в., играли специфическую, стратегически важную роль в экономике государства. Эта специфика определялась прежде всего уникальностью их природных ресурсов, которые широко востребованы как на внутреннем, так и на внешнем рынке, что в условиях слабо эффективной экономики приобретало стратегическое значение не только в военно-политическом плане, но и в социальном. Более того, в критических ситуациях экономический ресурс этих районов спасал Отечество.

При всей разнохарактерности экономических ситуаций на Востоке страны в разные эпохи можно выделить ряд общих закономерностей их развития, как в исторической, так и в цивилизационной динамике. Исторический опыт освоения восточных регионов свидетельствует, что большинство из них последовательно прошли три стадии: промысловую, аграрную и индустриальную. Конечно, на разных этапах их развития, да и в современных условиях, можно наблюдать переплетение этих стадий, но, как правило, одна из них была наиболее типичной для конкретного периода.

Первая стадия совпадала с периодом первобытности, вторая – с традиционным аграрным обществом, третья – с эпохой модернизации. Следовательно, все три стадии соотносятся с определенными уровнями цивилизации. Наибольший интерес в силу опять-таки специфики региона представляет модернизация, т.е. переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному со всеми вытекающими отсюда экономическими, социально-политическими и культурными последствиями.

В связи с ограниченностью объема текста, продиктованного характером данного издания, не представляется возможным детально проследить все эти процессы. Поэтому постараемся обозначить их основные контуры, чтобы извлечь уроки из грандиозной экономической эпопеи, разворачивающейся на просторах Азиатской России в длительной исторической ретроспективе.

Промысловая колонизация

Она имеет древнюю историю. Коренное население Урала, Сибири и Дальнего Востока с глубокой древности занималось охотой и рыболовством. С проникновением русских на эти территории пушной промысел приобрел особое значение. Первыми на Урал пришли новгородцы в конце XI в. Их привлекли легенды о сказочных пушных богатствах “стран полунощных”. В русских летописях упоминания о Перми и Печоре связаны со сбором богатой дани мехами. Бытовало даже предание, что в землях югры и самоеды “из... тучи выпадают белки молоденькие, будто бы только родившиеся и выросши расходятся по земле”¹.

Основным добытчиком пушнины – “мягкой рухляди” – являлось аборигенное население, которое поставляло русским землепроходцам и купцам шкурки соболей, выдр, бобров, горностая, куницы, россомахи, белок и др. Государство облагало это население особой повинностью – ясаком, который выплачивался преимущественно мехами. Для сбора ясака все взрослое мужское население было учтено в ясачных книгах, которые устанавливали норму сдачи мехов – обычно от 5 до 12 соболей с человека. За несвоевременную сдачу шкурок ясачные люди жестоко наказывались вплоть до взятия в заложники (аманаты), что свидетельствовало об огромной заинтересованности государства в пушнине.

Пушным промыслом занималось и русское население. В 1636 г. соликамец Ф. Москва привез в Устюг 13,5 тыс. белок, а в 1655 г. его земляк Ф. Иванов продал 140 соболей². В 1735 г. вятские крестьяне реализовали на Хлыновском городском рынке 61,4 тыс. белличьих шкур и 16,6 тыс. заячьих, в 1736 г. – соответственно 63,6 тыс. и 23,4 тыс.³ Подсчитать точное количество пушнины не представляется возможным по причине отсутствия надежной статистики и неравномерности ее отстрела по годам, но очевидно, что объем государственных поставок и частной торговли был велик. Правда, количество ценных пушных зверей катастрофически быстро сокращалось, и к концу XVII в. промысел пришел в упадок, но и в XVIII–XIX вв. пушнина составляла значительную часть доходов государственной казны.

По мере продвижения русских за Урал центр добычи пушнины сместился туда. Максимальная среднегодовая добыча сибирского соболя приходилась на 40-е годы XVII в. и равнялась 145 тыс. штук. К концу века она упала до 42,3 тыс. штук. За 70 лет XVII в. в Сибири было добыто 7248 тыс. соболей на 11 355 тыс. руб. Среднегодовая добыча составляла 103,5 тыс. штук на 182,2 тыс. руб.⁴ 85% добытых шкурок приходилось на охотников-аборигенов и только 13–16% – на русских.

Интенсивный отстрел привел к почти полному истреблению ценного зверька. В связи с этим правительство в 1650 г. запретило

русским соболиный промысел в Кетском уезде, с 1656 г. заповедными районами были объявлены притоки Ангары. С 1678 г. запрещалось добывать соболей русским промышленникам в Якутии, в ясачных угодьях на Лене, Витиме, Олекме, Алдане "и по иным рекам". Тем самым не только сохранялись охотничьи угодья, но и поддерживался ясачный сбор мехов с аборигенного населения. Однако русские промысловики продолжали охоту в ряде районов вопреки ее запретам под страхом смертной казни.

В 1706 г. охота на соболей была разрешена, но ограниченному количеству промысловиков при обязательной продаже всех добытых шкурок в казну. В 1731 г. промысел соболей в районах, где охотились ясачные люди, был снова запрещен. Эти меры привели к относительному восстановлению поголовья соболя, и в XIX в. промысловая охота на него была снова разрешена в Енисейском крае⁵.

Исторический опыт промыслового освоения Сибири свидетельствует, что это была важная фаза развития ее производительных сил, которая способствовала заселению края и накоплению капиталов для последующего освоения. В отличие от многих других осваиваемых территорий мира, где коренное население сгонялось со своих земель и в значительной степени уничтожалось, сибирские аборигены, как главные поставщики пушнины, сохранялись и выполняли важную функцию по освоению районов с экстремальными природно-климатическими условиями.

На Дальнем Востоке соболя было значительно меньше, зато добывались такие ценные звери, как котик и калан, а также моржовый клык – "рыбий зуб", который высоко ценился не только в России, но и далеко за ее пределами. Государство получало пушнину в счет ясака с коренного населения и таможенных сборов с торгово-промышленных людей. В 1651–1658 гг. из Приамурья было послано в Москву пушнины на 8654 руб., а с 1658 по 1663 г. – более чем на 18 тыс. руб.⁶ Ясак исчислялся в соболях. Его размер колебался от одного до пяти соболей в год с "ясачной души". Позднее, с конца XVII в., в связи с истреблением соболей аборигены добились от правительства уплаты ясака и другой пушниной. За одного соболя засчитывали волка, лисицу, выдру, рысь, росомуху и десять белок, что лишний раз подчеркивает ценность соболиного меха.

Государство заботилось о "ясачных душах" и предписывало своим воеводам "ясачных иноземцев ни в каких делах, не списався с великим государем, не казнить, и никому ни в чем никаких обид и налог не чинить... и никакого мучения, и ругания, и тесноты не чинить"⁷. Выполняя такие указания, землепроходцы не просто собирали ясак, но и поставляли аборигенам предметы первой необходимости, что обеспечивало успех русской колонизации.

Пушнина давала огромный доход государственной казне. Только за 30 лет (1744–1775 гг.) в порты Камчатки и в Охотск ее было доставлено на 3,2 млн руб. По тем временам это были огромные

деньги. В 1880–1892 гг. с Командорских и Тюленьего острова вывезено 582 753 шкуры котиков и получен доход почти в 1 млн руб.⁸ Российский пушной промысел распространялся и на Американский континент. Российско-американская компания вывезла на рынок в 1803 г. 15 тыс. шкур каланов и 280 тыс. котиков, в 1842–1862 гг. – 25 899 шкур каланов и 372 894 – котиков. А всего за время своей деятельности компания на Командорских островах добыла 2 309 270 шкур котиков, получив прибыль свыше 20 млн руб.⁹, что имело важное значение для периода первоначального накопления капитала в России.

Государство монополизировало торговлю моржовым клыком и имело от этого значительную валютную выручку. О масштабах его добычи можно судить по отписке Семена Дежнева, который за один месяц 1655 г. добыл в устье р. Анадырь 150 пудов “рыбьего зуба”. С середины XVII в. добыча этого ценного сырья сделалась основным промыслом землепроходцев на крайнем Северо-Востоке Азии¹⁰. В результате активной добычи моржей их численность катастрофически падала. Если в начале XIX в. у русских и американских берегов Дальнего Востока в течение десятилетия добывалось до 100 тыс. моржей, то в следующее десятилетие их было отстрелено только 30 тыс., а в последующее – лишь 10 тыс. штук¹¹.

Аналогичная ситуация наблюдалась и с китобойным промыслом, в котором преуспевали прежде всего зарубежные компании. По данным советника Верховного суда США А. Палмера, относящимся к 1848 г., около 700 американских судов вели ежегодный китобойный промысел в северной части Тихого океана, получая до 10 млн долл. прибыли. С 1850 по 1870 г. американцы, за счет истребления китов только в Охотском море, получили 900 тыс. бочек жира и 10,8 млн фунтов китового уса на 107,4 млн руб. золотом по курсу 1885 г. Иностранцы вели промысел и в водах Берингова моря, где в 1868–1870 гг. от добычи китов получили 1910,8 фунта уса и 133,2 тыс. бочек жира¹².

Крупной статьей дохода и важным продовольственным ресурсом Дальнего Востока было рыболовство. Вылов рыбы в Охотско-Камчатском районе в конце XVII – начале XVIII в. составлял 300 тыс. центнеров в год. А от эксплуатации рыбного промысла в Приморской области и на о. Сахалин за 20 лет (1881–1900) русская казна получила 822 520 руб.¹³ Особо ценился тихоокеанский лосось. В 1914 г. его было поставлено на внутренний и внешний рынки около 100 млн штук¹⁴.

В общей сложности в основных рыбопромышленных районах Дальнего Востока и Сибири (Тихоокеанское побережье, Обский, Енисейский, Амурский, Лено-Колымский, Байкальский бассейны и Барабинский район) за 1900–1905 гг. было выловлено 9,61 млн пудов рыбы на 22,26 млн руб. Более трех четвертей улова приходилось на долю Тихоокеанского побережья¹⁵.

Таким образом, промысловая стадия освоения Азиатской России имела принципиальное значение для экономики страны. В ее начальный период меха служили деньгами. Пушшиной платили дань, выдавали жалованье, одаривали иностранных государей, своих и иностранных подданных. Меха являлись валютным товаром, за них получали из-за границы любые изделия и даже драгоценные металлы, в частности серебро, из которого чеканили отечественные монеты. Пушнина составляла заметную часть доходов государственного бюджета. На ее долю приходилось в 40–50-х годах XVII в. 20%, а в 80-х – 10%. Удельный вес меховой торговли в общей стоимости экспорта страны лишь через Архангельск в 1653 г. составлял 8,5%¹⁶.

Даже много лет спустя, когда количество пушных зверей резко уменьшилось, сибирская пушнина продолжала оставаться не только приоритетной статьей дохода российской казны, но и играла важную роль в мировой торговле. По данным всемирной охотничьей выставки в Вене 1910 г., сибирская пушнина составляла 44% мировой добычи мехов и оценивалась на мировом рынке в 50 млн руб.¹⁷ Тем самым Россия играла ключевую роль на великом меховом пути.

В XX в. охотничий промысел и рыболовство в Азиатской России продолжались, но уступили новым приоритетам, прежде всего индустриальным. В связи с этим предлагаем лишь краткий эпилог промысловой эпопеи*.

Аграрное освоение

На смену преимущественно промысловому пришло аграрное освоение региона. Оно развертывалось по мере его стихийной русской крестьянской колонизации. Первоначально крестьяне, пришедшие с Русского Севера, осваивали малоплодородные земли Верхнего Прикамья. Земледелие развивалось экстенсивно, с каждым годом вводя в сельскохозяйственный оборот все новые и новые площади при

* В результате сокращения численности пушных зверей и перехода коренного населения на оседлость, развития земледелия и скотоводства масштабы добычи пушнины и ее удельный вес в доходах населения и государства резко сократился. Еще больше подорвали пушной промысел введение коллективных форм хозяйствования и индустриальное развитие северных территорий, нарушение экологического равновесия в природе. Проследить нисходящую динамику добычи пушнины трудно, поскольку в советское время она приравнивалась к валютным резервам, и сведения о ней исчезли из официальной статистики. По отрывочным данным можно установить только рост стоимостных показателей пушного промысла, которые не дают объективной картины процесса в связи с инфляцией. Так, в Якутии средний товарный выход пушнины с 1917 по 1940 г. вырос в 15 раз и составил 30 млн руб. Однако надо иметь в виду, что удельный вес ценных мехов был уже незначительным, кроме того, особенно в послевоенный период, возросло количество шкурок, полученных в результате клеточного звероводства.

низкой урожайности зерновых. Сеяли рожь, овес, ячмень, редко пшеницу. Хлебом обеспечивались преимущественно крестьянские семьи и частично поселения городского типа.

С XVII в. земледелие начинает развиваться за счет освоения новых, более плодородных земель и улучшения системы ведения хозяйства. Быстро увеличиваются посевные площади. С конца XVI по первую четверть XVII в. в Чердынском уезде пашня увеличилась на 72%, в Соликамском – на 64, а в Строгановских вотчинах – на 126%. В Кунгурском уезде за половину столетия пашня выросла более чем в 5 раз¹⁸. К земледелию активно подключалось коренное население Урала: вогулы, марийцы, мордва, башкиры. Растут сенокосные угодья и продукция животноводства. В вотчинах Строгановых и Верхотурском уезде размеры пашни и сенокоса сравнялись, а в Кунгурском уезде площадь, занятая сенокосами, в 18 раз превышала размеры пашни. Здесь животноводство приобретало товарный характер.

По мере продвижения русских за Урал земледелие и скотоводство распространялись в Сибири и на Дальнем Востоке. Одной из первых “государева пашня” была заложена в Тобольской губернии. В дальнейшем земледелие распространилось по многим районам Сибири, в том числе в Забайкалье и Якутии, но пашня занимала не многим более $\frac{1}{10}$ ее территории, причем около 80% пахотных земель приходилось на Западную Сибирь. К концу XVII в. в Сибири собиралось почти 4 млн пудов хлеба в год. Постепенно земледелие проникло на Дальний Восток вплоть до Сахалина, Камчатки и Чукотки.

Расширяя посевные площади и совершенствуя агротехнику, крестьянство не только удовлетворяло свои потребности в хлебе, но и снабжало складывающиеся промышленные центры, а также поставляло хлебные излишки в другие регионы страны. Во второй половине XVIII в. на Урале определились устойчивые связи земледельческих уездов с промыслово-промышленными районами. Крестьяне Шадринского, Камышловского, Красноуфимского уездов поставляли хлеб на заводы Екатеринбургского уезда, а на горные и винокуренные заводы шел хлеб из Оренбургской губернии.

Хлеб с Урала, особенно из Вятской губернии, поступал на всероссийский рынок. В первой половине XVIII в. партии хлеба из прикамских районов Урала, а также из Кунгурского и Уфимского уездов продавались на знаменитой Макарьевской ярмарке, откуда шли почти по всей европейской России вплоть до Петербурга, Архангельска, Нижнего Поволжья. Через Архангельск и Петербург сельское хозяйство Урала включалось в сферу европейского хлебного рынка¹⁹.

К началу XX в. на Урале в сельскохозяйственном обороте находилось 17,4 млн десятин земли, в том числе посевные площади составляли 9,4 млн десятин (1908), а под сенокосными и пастбищными

угодьями – 11,1 млн десятин. Здесь имелось 2,8 млн лошадей, 4,7 млн голов крупного рогатого скота, 6,4 млн овец и коз, 87,1 тыс. свиней²⁰. Несмотря на значительное развитие горнозаводской промышленности на Урале, он по-прежнему оставался важным поставщиком сельскохозяйственной продукции и сохранял черты традиционного патриархального общества.

Посевные площади Сибири и Дальнего Востока в 1911 г. оценивались в 6,4 млн десятин, что составляло около 7% общей посевной площади России. Они сосредоточивались по-прежнему в Западной Сибири. На Восточную приходилось 1,5 млн десятин, на Дальний Восток – 0,5 (1913)²¹. По темпам роста посевных площадей и валовых сборов зерновых Сибирь в начале века обгоняла Центральную Россию и США. После проведения Транссибирской железной дороги с каждым годом нарастал сбор и вывоз хлеба из Сибири в центр страны. В 1900–1904 гг. в среднем за год собиралось свыше 200 млн пудов, в 1905–1909 – 320, в 1910–1914 гг. – около 380 млн пудов. В 1917 г. сбор зерновых достиг 600 млн пудов, а по расчетам Переселенческого управления, к 20-м годам он должен был составить 1 млрд пудов. Сибирь превращалась в основную житницу России. Ее удельный вес в общероссийском сборе зерновых в предреволюционный период оценивался в 17%, тогда как Северный Кавказ в этот период давал всего 7,8%²².

Широкое развитие в Сибири получило скотоводство. В 1913 г. здесь насчитывалось 30 млн голов скота, т.е. пятая часть поголовья всей России, которая в это время лишь немногим уступала США. Следовательно, сибирское животноводство приобретало международную значимость. Сибирские мясные и молочные продукты завоевывали российский рынок. Доля сибирского мяса на столичных рынках (Петербург, Москва) приближалась к 50%. Перед революцией среднегодовой вывоз мяса за пределы Сибири превышал 3 млн пудов. По количеству скота на душу населения Сибирь превосходила Россию и многие зарубежные страны²³.

Особую роль играло сибирское маслоделие, получившее международное признание. В конце XIX в. за Урал вывозилось в пределах 300 тыс. пудов сливочного масла в год. С проведением Транссибирской железной дороги оно получило оперативный выход в Европейскую часть страны. В 1900 г. из Сибири было вывезено 1,7 млн, в 1909 – 3,8 млн, а в 1913 г. – 5,1 млн пудов высококачественного сливочного масла²⁴. Успех западносибирского маслоделия оказался разительным для Восточной Сибири и дальнего Востока, где также открывались маслобойни: в Приангарье, Забайкалье, Приамурье, Приморье.

Таким образом, в XVII–XIX вв. аграрное освоение играло доминирующую роль в экономике Азиатской России, достигнув крупных результатов не только в региональном, но и в общероссийском масштабе. В XX в. оно уступило пальму первенства промышленности,

но, тем не менее, продолжало иметь существенное значение в экономике региона. Поскольку аграрное развитие отошло на второй план, ограничимся его кратким обзором для завершения представления о нем в XX в.*

* В ходе Первой мировой войны, революционных потрясений и последующих "социалистических" преобразований в сельском хозяйстве аграрная экономика Азиатской России оказалась в тяжелом положении. Посевные площади по основным губерниям Урала в 1919 г. по сравнению с 1917 г. сократились почти на 20%, поголовье скота в среднем уменьшилось на 25%. Однако Урал продолжал снабжать страну продовольствием и фуражом. На его долю приходилось до $\frac{1}{5}$ общероссийских заготовок.

Еще более весомую роль играли продовольственные ресурсы Сибири, особенно в 1921–1922 гг., когда вследствие небывалой засухи неурожай охватил 40% посевной площади страны. Тогда Сибирь обеспечивала 29% валового сбора зерновых, в то время как центральные губернии – только 14%. В 1922 г. сибирские крестьяне дали государству около 50 млн пудов продовольствия (в переводе на ржаные единицы). Для беженцев из голодающих губерний создавались специальные пункты питания, в которых только за 1921 г. было выдано 7,5 млн порций пищи. Сибирь приютила 40 тыс. детей из голодающих районов. Вклад сибиряков в победу над голодом оказался столь велик, что именно с него западная пресса начала отсчет ситуации, когда Сибирь спасала Советскую Россию. В годы коллективизации сельское хозяйство деградировало даже по отношению к его незначительной стабилизации периода нэпа. Это наглядно прослеживается на примере Сибири. В 1932 г. общий валовой сбор хлеба сократился примерно на $\frac{1}{4}$ по сравнению с 1928 г., когда был достигнут уровень доколхозной деревни. К середине 30-х годов положение несколько выправилось, поднялась роль Сибири в сельскохозяйственном производстве страны. На ее долю приходилось 14% заготавливаемого хлеба в России, 23% молока, 25% мяса.

Вторая мировая война нанесла тяжелый урон сельскому хозяйству Азиатской России. Почти в два раза сократились посевные площади и поголовье крупного рогатого скота. В Сибири продуктивность и товарность сельскохозяйственного производства за годы войны упала вдвое. Несмотря на это, сибирские крестьяне за четыре года войны дали государству свыше 700 млн пудов хлеба, что составило $\frac{1}{6}$ всех хлебозаготовок СССР в военный период. Несколько меньше – $\frac{1}{8}$ часть – поставил Урал.

Послевоенная история аграрного сектора Азиатской России тоже не лишена взлетов и падений. Наиболее колоритной эпопеей стало освоение целины. За 1954–1960 гг. в Сибири было вспахано 9,7 млн га целинных и залежных земель, что составило половину вновь распаханых площадей в РСФСР. На Урале за этот же период освоено 2,9 млн га залежи и увеличено производство зерна в полтора раза. В разное время эта акция оценивалась поразному. В итоге можно констатировать, что, несмотря на ряд негативных последствий, она имела историческое значение для аграрного освоения Востока России и получила общенациональное значение.

Последующие многочисленные преобразования сельского хозяйства в Азиатской России приводили то к его новому подъему, то к упадку. Безусловно, они представляют заметный интерес, но по сравнению с масштабами индустриального развития решительно отступают на задний план.

Индустриальное освоение

Протоиндустриализация и начало модернизации

Вслед за промысловым и аграрным началось индустриальное освоение Азиатской России. Поначалу промышленность не отделялась от земледелия и существовала в виде домашних промыслов. Но уже первым землепроходцам давался строгий наказ “про золотую руду, и про серебро, и олово, и свинец, и железо, и про всякие камни накрепко проводывать и расспрашивать”. Таежные аборигены, неискушенные в этих каменьях, охотно показывали их месторождения. В результате были открыты уникальные залежи серебра, золота, железной руды, а позднее и алмазов, нефти, газа, других ценных полезных ископаемых.

Индустриальное освоение началось с Урала. Уже в древности он снабжал цветными и черными металлами громадную территорию от Передней Азии до Балкан. Наиболее ранний объект его металлургического производства – Каргалинские медные рудники в Оренбургской области, которые эксплуатировались с конца IV тысячелетия до н.э. до конца XIX в. Только за последние полтора века на рудниках было добыто 250 млн т породы, из которой получено 125 тыс. т меди.

Добыча железной руды в период средневековья связана с чудскими племенами, которые сооружали примитивные шахты, вошедшие в историю под названием “чудских копей”. По описанию российского академика П. Палласа, путешествовавшего по Уралу и Сибири во второй половине XVIII в., такие копи служили ориентирами русским промышленникам в поисках железорудных и медных месторождений. Лучшие рудники были основаны как раз на месте этих копей²⁵. “Чудская руда”, по всей вероятности, попадала русским в XIV–XV вв., но до XVI в. железорудные ископаемые Урала им не были широко известны. В XVII в. значительное распространение получила кустарная плавка руды по обоим склонам средней части Уральского хребта, где в изобилии встречались на поверхности земли легкоплавкие бурые железняки.

Прообразом уральских железоделательных заводов феодального типа стал Ницинский завод (Невьянское рудное и железное дело), выдавший первые крицы в 1630 г. У его истоков стоял “гулящий” человек Тимофей Дурницын и купец Невьянского острога Богдан Колмогор. Завод имел лишь сыродутные горны с ручными мехами, домны отсутствовали. Любопытно, что в Центральной России первый тульский завод был основан в 1632 г. голландцем А. Виниусом²⁶. Следовательно, можно считать параллельным создание железоделательного производства в центре страны и в ее уральской глубинке, если абстрагироваться от различий в уровне технологий.

Заводов, подобных Ницинскому, на Урале в XVII в. существовало несколько. Они, как правило, размещались на рудных месторождениях, после исчерпания которых переносились на новое место, что затрудняет сегодня их изучение. Наглядное представление о таких предприятиях дает описание Железенского или Далматовского завода, выполненное в 1692 г. монахом Черницыным, который писал: "Домница плавит железо; в ней две печки с крупными клещами, с тремя поварницами; перед домницей сарай с угольной прирубкой, ступа и пест, чтобы после зноя руду толчи; погреб с погребницею и на речке Железенке однопоставная мельница"²⁷. В то время только в одном Курганском уезде насчитывалось более 70 аналогичных заводов, вырабатывающих до 50 пудов железа в год²⁸.

Подлинный расцвет уральская металлургия получила в XVIII в. Ее прогрессу способствовали благоприятные условия на внутреннем и внешнем рынках. Увеличивающаяся потребность в металле для гражданских и особенно военных нужд России все время подталкивала к росту его производства в новом железоделательном районе, тогда как старые, расположенные в европейской части страны, в силу ограниченности разведанных запасов руды и сокращения лесных угодий постепенно приходили в упадок. Спрос на внешнем рынке усиливался в связи с разворачивающейся промышленной революцией в Западной Европе, особенно в Англии.

В этих условиях Петр I инициировал активное строительство металлургических заводов на Урале. 15 октября 1701 г. выдала первый чугун домна Каменского завода, а 15 декабря – Невьянского. Переход на выплавку чугуна в доменных печах вместо примитивных домниц означал начало нового, промышленного этапа развития уральской металлургии. Каменский завод положил начало будущему военно-промышленному комплексу Урала. Уже в первые годы его существования военная продукция составляла около 60% общего объема производства. Он олицетворял собой промышленное предприятие феодального типа. К нему было приписано более 15 тыс. крепостных крестьян, проживающих в радиусе 10–150 верст. Невьянский завод заложил основу огромной промышленной империи Демидовых. Он с самого начала, как и Каменский, предназначался для военного производства, чтобы "лить пушки и гранаты, и всякое ружье". За первые пять лет существования завод изготовил 114 артиллерийских орудий. Он имел несколько домн, в том числе "царь-домну", одну из самых крупных в мире первой четверти XVIII в. Ее объем составлял 72 куб. м, высота – 9,3 м. Она имела две фурмы для литья. Здесь плавили лучший в мире металл: чугун, железо, освоили великолепное чугунное художественное литье. Уже в первые годы существования Невьянский завод выплавлял чугуна больше, чем все заводы центральной России. До середины XVIII столетия этот завод являлся крупнейшим и передовым в технологическом отношении металлургическим предприятием не только Урала, России, но и Европы.

Через три года после Невьянского и Каменского вступили в строй Алапаевский и Уктусский заводы. Последний кроме железоделательного производства имел медеплавильное. В общей сложности за первую треть XVIII в. на Урале было построено 33 металлургических предприятия, 13 из них принадлежали казне, 12 – крупнейшим промышленникам Демидовым, 2 – старейшим уральским магнатам Строгановым, 6 – другим частным владельцам²⁹. Особенностью заводского строительства во второй четверти XVIII в. было преобладание частных заводов, которых в этот период было сооружено в три раза больше, чем казенных.

Всего на Урале в первой половине XVIII в. было построено 71 предприятие, 33 из которых производили черный металл, а 38 – медь. Он занял ведущее положение в горно-металлургической промышленности страны. Если в 1725 г. на Урале было выплавлено 0,6 млн пудов чугуна, то 1750 г. – уже 7,7 млн пудов³⁰. Во второй половине XVIII в. было построено свыше 100 предприятий, причем только 5 казенных. Казна активно передавала металлургическое производство частным хозяевам, которые вели дело эффективней. Если в 1750 г. ей принадлежало 72% всех доменных печей Урала, то в 1800 г. – только 12%³¹. В 1800 г. на Урале уже производилось 7,8 млн пудов чугуна и 5,3 млн пудов железа. Россия по выпуску черного металла вышла на первое место в мире, обогнав Англию и Швецию, при этом Урал давал $\frac{4}{5}$ русского чугуна и железа.

XVIII столетие стало “золотым веком” уральской металлургии. Оно дало $\frac{7}{10}$ железоделательных и почти $\frac{9}{10}$ всех медеплавильных заводов, возникших в уральском регионе за первые два века существования здесь крупной горнозаводской промышленности. Из 116 железоделательных заводов, существовавших на Урале к началу XX в. (1900), 82 было основано в XVIII в. Стремительному росту уральской металлургии способствовали богатейшие запасы железной руды и высококачественного леса, особенно хвойных пород, служивших топливной базой, которая катастрофически быстро сокращалась в Центральной России и в европейских странах, а также густая сеть небольших рек с перепадом стока, позволяющим создавать необходимые вододействующие сооружения. Не последнее значение имела огромная армия крепостного люда, за бесценку выполняющая тяжелые горнорудные работы. Поэтому себестоимость железа здесь была в два-два с половиной раза ниже, чем в Центральной России.

Несмотря на “даровой” крепостнический труд, уральские заводчики активно внедряли технические усовершенствования. В 1765 г. была создана паровая машина И.И. Ползунова, которая принципиально меняла условия металлургического производства, однако реальное использование паровых двигателей началось позднее. В 1799 г. на Гумешевском руднике была установлена первая паровая машина для водоотлива. Сложные станки для чернового проката

применялись на Урале до 1765 г., а листопрокатные станы с 1782 г. (сначала на Чермозском, а позднее на Сылвинском и Верхнейвинском заводах). Уральские древесно-угольные домны до конца XVIII века считались даже иностранцами крупнейшими и лучшими в Европе. Средняя выплавка одной уральской домны составляла около 100 тыс. пудов в год. Некоторые из них в конце столетия давали по 150–300 тыс. пудов, что превышало производительность английских коксовых печей.

Особое внимание уделялось качеству металла. В 1722 г. Берг-коллегия разослала на заводы указ “О пробовании железа”, который предъявлял высокие требования к его кондиции. Бракоделы жестоко наказывались. В этой связи в одном из петровских указов предписывалось: “Повелеваю хозяина тульской оружейной фабрики Корнилу Белоглазова бить кнутом и сослать на работы в монастырь, понеже он, подлец, осмелился войску государеву продавать негодные пищали и фузеи”³².

Конечно же, проблема качества решалась не только кнутом. Его обеспечивали три главные объективные причины. Во-первых, высокосортные уральские руда и древесный уголь. Во-вторых, хорошая квалификация местных мастеровых, активное использование зарубежного опыта, собственная изобретательность, ответственное отношение к делу. В-третьих, возрастающий спрос на уральскую продукцию за границей, что заставляло держаться на уровне мировых требований.

Уральский металл был таким “добрым” и “мягким”, что его сравнивали с соболиным мехом. Именно под маркой “Старый соболь” он стал известен всему миру. Уральскую продукцию с маркировкой демидовских заводов зарубежные потребители предпочитали любой другой. Высокое качество уральского металла не раз высоко оценивалось на международных выставках. На всемирной выставке в Париже в 1867 г. Тагильские заводы были удостоены золотых наград, а на Всемирной выставке 1878 г. “Старый соболь” получил Гран-при.

В XIX в. российская металлургия находилась в зените своей славы, занимая первое место в мире по производству чугуна и железа, львиная доля которого поставлялась с Урала. Но постепенно она утрачивала роль лидера, скатившись к 1860 г. на восьмое место. У такого поворота были две главные причины. С одной стороны, успеху зарубежной металлургии способствовал промышленный переворот в западных странах, прежде всего в Англии, а с другой – нарастающее отставание России в технологической области, связанное с крепостнической системой.

Накануне отмены крепостного права на Урале было 154 металлургических предприятия и промысла. Их техническая оснащенность перестала соответствовать новому времени. В 1860 г. только 7% общей мощности двигателей уральских металлургических заво-

дов приходилось на долю паровых машин. Чаще всего они использовались как дополнение к водяным колесам при недостатке воды в прудах. Ни по производительности труда, ни по себестоимости продукции уральская металлургия не выдерживала конкуренции с коксовой металлургией Англии и других стран Европы, хотя спрос на уральское железо в мире сохранялся из-за его высокого качества.

Несмотря на отставание от мирового уровня, уральская металлургия в первой половине XIX в. имела определенные достижения и уникальные технологические решения, к числу которых можно отнести производство высококачественной стали по методу П.П. Аносова. Его "русский булат" превзошел все сорта стали, производившиеся в других странах. Аносовские сабли перерубали кости и гвозди, а лезвие их при этом не тупилось. Клинок сгибался в окружность и снова принимал прежний вид, не меняясь.

Во второй половине XIX в. Урал продолжал оставаться важным центром металлургического производства России. Здесь действовали мощные металлургические комплексы, такие, как Верх-Исетские заводы Яковлева, Нижне-Тагильские Демидовых, заводы Строгановых и другие. Однако доля уральского металла в общероссийских показателях неуклонно сокращалась. Если в 1869 г. она составляла по чугуну 70,7%, то в 1900 г. снизилась до 27%, по железу и стали соответственно с 78,5% до 27%.

После отмены крепостного права в 1861 г. условия металлургического производства существенно изменились, крепостные и горнозаводские люди получили личную свободу и освобождались от обязательных работ на заводах. Однако реформа сохранила горнозаводское землевладение, что явилось крупным пережитком феодализма и тормозило модернизацию металлургической отрасли. За 1861–1900 гг. на Урале было закрыто около 50 заводов. К 1900 г. осталось только 98 предприятий черной металлургии³³. Часть промышленников теряла интерес к горнозаводскому делу. Многие из наследников знаменитых Демидовых не проявляли охоты "к размножению и содержанию заводов".

В отличие от Урала, обремененного крепостническими пережитками, интенсивно развивалась металлургия Юга России и составляла ему сильную конкуренцию. В середине 1890-х годов по объему металлургического производства Урал и Юг сравнивались, а затем Урал надолго отстал. Удачное сочетание на Юге России, в отличие от Урала, каменноугольных и железорудных месторождений, связанных железными дорогами, меньшая удаленность от центра явились основой быстрого развития нового промышленного района.

Конечно, на Урале развивались и другие отрасли промышленности, такие, как солеваренная, золотодобывающая, обрабатывающая, и другие, которые имели не только региональное, но и общенациональное значение. Достаточно заметить, что в 30–50-е годы XIX в. на Урале ежегодно добывалось от 200 до 300 пудов золота³⁴.

Мировую известность получила уральская платина. Ее россыпи были открыты в 1824 г. Одних платиновых самородков в 1827–1829 гг. найдено 3384 штуки, среди них – уникальный, весом около 10 кг. Только Тагильский горный округ, по данным Д.Н. Мамина-Сибиряка, к концу XIX в. поставил 5262 пуда ценнейшего металла. Всего с 1867 по 1913 г. на Урале было добыто около 225 т платины. Он стал мировым монополистом в данной области. Одно время из платины чеканилась русская монета в надежде укрепить неустойчивый курс рубля³⁵.

Хорошо развитая металлургическая промышленность на Урале, его значительная удаленность как от западных, так и восточных границ страны, обеспечившая стратегическую неуязвимость, благоприятствовала развитию здесь военной промышленности, превращению этого региона в надежную военно-индустриальную базу государства. К началу Первой мировой войны оборонное производство было сосредоточено на восьми казенных военных заводах: Пермском, Ижевском, Златоустовском, Кусинском, Саткинском, Артинском, Верхнетуринском, Баранчихинском. К концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30%. Они дали 31% артиллерийских скорострельных орудий, 67% крепостных гаубиц, 43% винтовок и много другого военного снаряжения. В ходе военных действий начали функционировать и частные заводы (Богословские, Лысьвенские, Симские, Камские, Невьянские, Нижнетагильские, Кыштымские, Сысертские, Алапавские и другие)³⁶.

Урал явился стартовой площадкой не только промысловой и аграрной колонизации Азиатской России, но и ее ширококомасштабного индустриального освоения. Один из родоначальников уральской горнозаводской промышленности Акинфий Демидов прослышав о том, что к востоку от Каменного пояса встречается много рудных залежей, отправил своих рудознатцев в Сибирь. Четверть века спустя после начала промышленной металлургии на Урале, в 1725 г., рабочие люди Демидова соорудили небольшой медеплавильный заводик на Алтае – Локтевский. Через 4 года, недалеко от него, был пущен Колыванский завод, который положил начало знаменитому Колывано-Воскресенскому горному округу. В него входили Алейский, Барнаульский, Локтевский, Павловский, Сузунский, Тойский и другие заводы. Поначалу алтайские заводы Демидовых выплавляли медь, а с 1747 г. перешли в основном на производство серебра, хотя медь по-прежнему выплавлялась в больших количествах. С 1766 г. на Сузунском заводе стали чеканить сибирскую, а позднее и общероссийскую монету. Так появился третий монетный двор Российской империи³⁷.

К 1800 г. на алтайских заводах было переработано 125 млн пудов серебро-свинцовых руд, из которых получено 50 тыс. пудов серебра и около 4 млн пудов свинца. В XIX в. цветная металлургия Ал-

тая развивалась еще более быстрыми темпами. К 1900 г. добыто и переработано 625 млн пудов руды, из которой выплавлено 93 тыс. пудов серебра и свыше 3 млн пудов свинца (80% российской добычи)³⁸. В XIX в. один Алтайский горный округ добывал серебра больше, чем Англия, Франция, Швеция, Пруссия и Бельгия вместе взятые. Однако во второй половине XIX в. серебро-свинцовая промышленность Алтая постепенно начала клониться к упадку в результате выработки наиболее богатых месторождений и в связи с упразднением дешевой крепостной рабочей силы. К 1905 г. добыча серебра сократилась до 25 пудов, а свинца – до 7 тыс. пудов. В 1913 г. добыты последние 9 тыс. пудов серебро-свинцовой руды³⁹.

На смену “серебряному” веку пришел “золотой”. Начался он тоже на Алтае, но затем быстро сместился в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Первое сибирское золото было получено из серебряной руды Змеиногорского рудника на Алтае в 1745 г. К началу XX в. на территории Сибири было разведано и зарегистрировано свыше 2 тыс. приисков и золотоносных месторождений общей площадью более 200 тыс. га, но промышленная добыча велась только на части из них. Первое место занимал Лено-Витимский район. Ежегодная добыча золота здесь оценивалась в пределах 400 пудов, а с 1829 по 1848 г. было получено 8,7 тыс. пудов, что составляло почти четверть мировой добычи за тот период⁴⁰. На втором месте стояли горные округа Забайкалья и Дальнего Востока. Половину всей добычи Забайкалья и Дальнего Востока давали Зейский и Бурейский горные округа. На третьем месте находились Ачинско-Минусинский и Енисейский районы. В Западной Сибири основные прииски были расположены в Томском, Кузнецком и Бийском округах. Добыча золота в Сибири за столетие (1830–1924) выросла с 0,05 до 2,5 тыс. пудов и поднялась в общероссийском масштабе с 12,5% до 78,1%⁴¹.

Развивались и другие отрасли промышленности. Среди них необходимо выделить железоделательное производство и каменноугольную промышленность. Первыми железоделательными заводами были Тельминский (1732) и Ирбинский (1734). За ними последовали Петровский, Гурьевский, Абаканский и другие заводы. До завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали они работали довольно эффективно и удовлетворяли регион в металлических изделиях. С установлением железнодорожного сообщения в Сибирь хлынул мощный поток более дешевого уральского металла, и сибирская металлургия не выдержала конкуренции. Выплавка чугуна с 540 тыс. пудов в 1895 г. сократилась до 150 тыс. пудов в 1908 г.⁴²

Быстрое развитие каменноугольной промышленности вызвала к жизни прокладка Транссибирской магистрали. С 1895 по 1904 г. только в Томской губернии добыча угля увеличилась в 14 раз, а в Иркутской губернии в 35 раз. В 1910 г. общая угледобыча в Сибирь-

ри превышала 120 млн пудов. Доля Сибири в общероссийской угледобыче к 1913 г. составила около 8%. Третью сибирской добычи угля обеспечивал Приморский округ, который обслуживал потребности Уссурийского и частично Амурского участков Транссибирской железнодорожной магистрали, а также Тихоокеанский морской флот⁴³.

Несмотря на значительные успехи в развитии промышленности Сибири, она к началу XX в. оставалась все-таки преимущественно аграрным краем. К 1914 г. доля промышленной продукции в общей стоимости сибирского валового продукта составляла лишь 22%⁴⁴. Сибирь давала всего 1,5% валовой продукции фабрично-заводской промышленности государства. В 1913 г. 99% ввоза приходилось на промышленные изделия, а в вывозе 40% составляло сливочное масло, 23% – другие продукты питания, 19% – золото, 15% – пушнина.

Становление промышленности имело далеко идущие последствия для социально-экономического развития региона, положило начало сдвигам цивилизационного значения. Если раньше веками господствовали устои традиционного аграрного общества, то теперь на смену им шли отношения другого типа, знаменующие начала индустриальной цивилизации, что проявилось в форсированном развитии различных отраслей промышленности и новых видов транспорта; замене преимущественно мускульной энергии людей и животных природными источниками энергии (вода, пар, электричество); углублении общественного и технического разделения труда; распространении рынков товаров, денег и труда; преобладании капиталоемких производств над трудоемкими; разворачивании урбанизационных процессов; увеличении специализации людей по видам деятельности; минимизации зависимости последних от таких показателей, как пол, возраст, социальное происхождение; росте образования и квалификации работника производства; дифференциации культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризации образования и распространении грамотности; рационализации сознания и отказе от господства традиций.

Анализ всего комплекса вышеобозначенных проблем не входит в задачу данного раздела. Остановимся только на двух принципиальных позициях, характеризующих переход от аграрного общества к индустриальному: изменении социальной структуры общества и урбанизации. В ходе промышленного развития на Урале сформировался значительный отряд рабочих. Его ядром были горнозаводские рабочие. Их численность увеличилась со 145 тыс. в 1867 г. до 238 тыс. в 1893 г., а в 1900 г. составила 272 тыс. человек. Быстро росло число фабрично-заводских рабочих, занятых на транспорте, строительстве и других отраслях хозяйства края. Правда, подавляющая масса населения по-прежнему пока еще была занята в сельскохозяйственном производстве. Здесь трудилось 81,5% всего населения края, в промышленности – 9,5%, на транспорте и “прочих рабо-

тах” – 9%⁴⁵). Охотой, рыболовством и другими “лесными промыслами” занимался 1 % населения.

Сибирь и Дальний Восток уступали Уралу по количеству рабочих и их удельному весу в общей численности населения. В горной промышленности Сибири в 1895 г. насчитывалось 36 тыс. наемных рабочих, а во всех отраслях народного хозяйства, включая транспорт, – 142 тыс.⁴⁶ Если учесть, что на территории Сибири по переписи населения 1897 г. было зафиксировано 5,8 млн жителей, то на долю рабочих придется только 2,4%.

Важной составляющей модернизационного перехода была урбанизация Азиатской России. Поначалу города возникали как небольшие военно-административные центры. Позднее к их первоначальной функции прибавилась ремесленно-торговая составляющая, а со второй половины XIX в. они стали приобретать все более выраженный индустриальный характер. Впрочем, многие поселения Урала с самого начала закладывались как промышленные центры: Невьянск, Алапаевск, Сысерть, Полевской, Нижний Тагил, Екатеринбург, Ревда, Кушва (первая четверть XVIII в.), хотя многие из них официальный статус города приобрели позднее. Во второй половине XVIII в., особенно в его последней четверти, количество городских поселений значительно увеличилось. К вышеназванным присоединились Бугуруслан, Бузулук, Глазов, Кунгур, Ирбит, Пермь, Соликамск, Стерлитамак и другие.

В первой половине XIX в. формально численность городов выросла мало, зато произошло значительное расширение и укрепление городских поселений. В 1833 г. на Урале насчитывалось 141 852 горожанина, к отмене крепостного права – 223 536. Городское население составляло 3,3% от всего населения региона. К началу XX в. этот показатель поднялся до 5,2%, в то время как по Европейской России он составлял 12,9%. Следовательно, даже в таком индустриально развитом регионе Азиатской России, как Урал, удельный вес городского населения был вдвое меньше, чем в центральной части страны, что свидетельствует об отставании его модернизации. Правда, темпы роста городского населения на Урале во второй половине XIX в. были выше, чем по стране в целом. За 1860–1890 гг. все население Пермской губернии выросло на 53,2%, тогда как городское – на 123%, в Уфимской соответственно на 88,9% и 148,4%, в Оренбургской – на 89,8 и 289,5%, в то время как во всей России за тот же период все население увеличилось на 52,1%, а городское – на 98%⁴⁷.

За Уралом в середине XIX в. было шесть городов, которые имели население свыше 10 тыс. жителей: Омск – 18,4 тыс., Тобольск – 15,9, Томск – 14,1, Барнаул – 11,7, Тюмень – 10,3, Иркутск – 28 тыс. человек. Численность городского населения начала быстро расти после проведения Транссибирской магистрали, которая сыграла на этом этапе решающую роль в модернизации края. За несколько лет количество жителей Иркутска и Красноярска увеличилось в 2 раза,

Омска – в 3, Хабаровска – в 3,2, Владивостока – в 7 раз. Население нового города Новосибирска, возникшего на базе железнодорожной станции Обь, с 1893 по 1903 г. выросло до 83 тыс. человек. Однако Сибирь, как и Урал, пока еще отставала от Европейской России по удельному весу городского населения. В 1897 г. горожане составляли 9,2% жителей края, тогда как по России – 15%, в 1917 г. соответственно 10,4% и 18%. Важным градообразующим фактором наряду с промышленностью и транспортом стала выступать наука и высшее образование, как важные составляющие процесса модернизации. Это особенно убедительно прослеживается на примере Томска, где в конце XIX в. открыли университет и технологический институт⁴⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Азиатская Россия к началу XX в. прочно включилась в процесс индустриального развития, более того, она имела определенные достижения на этом поприще, хотя промышленность еще намного уступала сельскому хозяйству. Индустриализация привела к существенным социально-экономическим последствиям, которые можно трактовать как начало широкомасштабного модернизационного перехода, имеющего цивилизационное значение.

Модернизация 30-х – первой половины 40-х годов XX века

Активизировавшийся на рубеже веков экономический, особенно индустриальный рост и набирающая темпы модернизация Азиатской России были прерваны Первой мировой войной и социальными катаклизмами в стране начала XX в. В 1919 г. из каждых пяти уральских металлургических заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой, производство железа и стали упало до 9% от уровня 1913 г. После разгрома Колчака выплавка чугуна осуществлялась только на 2–3 заводах из 97, работало лишь 3% агрегатов⁴⁹. В Сибири добыча золота составила только 3% от довоенной. Наполовину сократились поставки угля. Из-за отсутствия сырья, топлива, рабочей силы и изношенности оборудования остановились сотни промышленных предприятий от Урала до Тихого океана.

Во второй половине 20-х годов разруха в основном была преодолена. Промышленность достигла довоенного уровня, но он уже не отвечал требованиям, вернее, возможностям Азиатской России. Вопрос о ее роли в стратегии экономического развития страны приобрел ключевое значение и получил государственный статус. Дело в том, что Советский Союз, встав на путь модернизации, нуждался в большом количестве природных ресурсов, которые были сосредоточены главным образом в его восточных регионах, в то время как основное население и производственные мощности располагались преимущественно в европейской части государства. В связи с этим

во весь рост встала проблема сдвига индустрии на Восток, что подстегивалось необходимостью укрепления обороноспособности страны в условиях обостряющейся борьбы за передел мира.

В такой ситуации на передний край вышел Урало-Кузнецкий проект. Его суть заключалась в соединении коксующихся углей Кузбасса с высококачественной уральской железной рудой и созданием на этой основе второй угольно-металлургической базы государства с широким развитием промышленности на Урале и в Западной Сибири. По вопросам реализации Урало-Кузнецкого проекта развернулась острейшая политическая борьба. Выступая на вечере сибиряков в Москве, Л.Д. Троцкий ратовал за развитие в Сибири производств, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты на экспорт, а также за создание путей сообщения и отказывал ей в необходимости иметь тяжелую промышленность. Один из видных сибирских партийных работников того периода С. Сырцов окрестил планы индустриального развития региона "промышленным романтизмом".

Три четверти века спустя такие высказывания можно оценивать по-разному. С одной стороны, в них можно усмотреть осторожный, может быть, даже рыночный подход к индустриальному освоению региона, который позволил бы без перенапряжения в длительной исторической перспективе создать здесь крупный промышленный потенциал. А с другой стороны, нельзя игнорировать жесткие реалии XX в., которые требовали оперативного введения в хозяйственный оборот новых крупных природных ресурсов. Через полтора десятка лет стало очевидно, что страна не могла обойтись без них.

Была попытка противопоставить южную и восточную угольно-металлургические базы. Эту кампанию возглавил проф. Диманштейн, считавший Урало-Кузнецкий проект "абсолютно утопичным" и явно "убыточным". Главная цель его единомышленников заключалась в том, чтобы добиться признания за Украиной исключительного права на развитие черной металлургии. Это лобби активно поддерживал Л.М. Каганович, работавший тогда первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Он выступил против выделения капитальных вложений для Урала и Сибири, настаивая на их сосредоточении в Украинской республике. Государственную точку зрения на необходимость соединения уральской руды с сибирским углем решительно отстаивали председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский, а потом В.В. Куйбышев, председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский, нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе.

Жаркие дискуссии о перспективах Урало-Кузбасса выплеснулись из кабинетов проектировщиков и плановиков на пленумы и съезды правящей партии. На XIV всесоюзной партийной конференции подчеркивалась прогрессивность перехода уральской металлургии с древесного угля на каменноугольный кокс. XV съезд партии (1927) отверг притязания украинских плановиков на монопольное

развитие южной угольно-металлургической базы и поддержал идею сдвига индустрии на восток, что нашло практическое преломление в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: "Дело в том, что на осях угля Кузбасса и железной руды Урала мы создаем два новых центра основной промышленности Союза на Востоке, достаточно мощных и многосторонних, чтобы служить опорными базами, удобно расположенными для последовательного продвижения на Восток к его огромным природным ресурсам"⁵⁰.

Решение урало-кузнецкой проблемы предполагало мощное развитие угольной промышленности Кузбасса и металлургического производства на Урале, создание предприятий тяжелого машиностроения и химической промышленности, надежной электроэнергетической базы. Историческим шагом на этом пути стало Постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. "Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации, – говорилось в нем, – является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири"⁵¹.

Такую линию одобрил XVI съезд партии, который принял решение о создании новой мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината. Крупную роль в этом сыграл Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, который занял решительную позицию в пользу Урало-Кузбасса. В то же время он без всякого научного обоснования потребовал резкого увеличения плановых показателей развития черной металлургии, в значительной степени за счет Урала и Сибири. Жизнь доказала нереальность такого подхода, и от него в дальнейшем пришлось отказаться.

Практическое осуществление проекта началось весной 1929 г. со строительства двух крупнейших металлургических комбинатов – Кузнецкого и Магнитогорского. Оно было сопряжено с огромными, невообразимыми для современного читателя трудностями: неразвитостью индустриальной базы в районе новостроек, особенно в Кузбассе; крайней скудостью отечественного оборудования и строительной техники; неподготовленностью рабочих и инженерных кадров; отсутствием опыта создания столь крупных промышленных объектов, тем более в суровых природно-климатических условиях.

Эти трудности преодолевались ценой невероятного напряжения материальных и людских ресурсов государства. Налаживался выпуск советской техники, недостающее оборудование покупалось за рубежом, перенимался западный опыт проектирования и строительства крупных промышленных объектов, интенсивно нарабатывался свой, отечественный опыт. На стройки пришли сотни тысяч вчерашних крестьян, которые не имели навыков индустриального труда и жизни в урбанизированных поселениях, поступили десятки тысяч заключенных. Условия их труда и быта были тяжелые. Жить приходилось в бараках, а то и в землянках. Продукты

выдавались по карточкам. Несмотря на исключительные трудности, люди творили чудеса.

В феврале 1932 г. первый металл выдал Магнитогорский комбинат, а в апреле – Кузнецкий. К концу года первые очереди комбинатов с завершенным металлургическим циклом были пущены в эксплуатацию. Таких темпов ввода в строй крупных промышленных объектов не знала не только отечественная, но и зарубежная металлургическая практика. Высокими темпами шло освоение новых производств, доведение их до проектной мощности. Задувались новые домны, пускались мартены, блюминги, прокатные станы. Во второй пятилетке головные металлургические предприятия Урало-Кузбаса превратились в самые крупные в стране. Они производили более половины высококачественной стали и чугуна.

Параллельно с Магнитогорским гигантом на Урале вошли в строй действующих Среднеуральский и Каменский металлургические заводы, Челябинский завод ферросплавов и другие. Коренной технической реконструкции подверглись старые металлургические заводы: Нижнетагильский, Верх-Исетский, Кушвинский, Алапаевский, Чусовской, Нижне-Салдинский, Златоустовский и другие. Отличительной особенностью этого периода был курс на производство качественных сталей. Например, на Златоустовском заводе впервые в СССР была налажена выплавка шарикоподшипниковой, рессорной, нержавеющей стали. В целом в 1937 г. выплавка чугуна на Урале достигла 2,6 млн т, производство стали – 2,9 млн т, выпуск проката – 2,7 млн т. Это в 3–4 раза больше по сравнению с 1913 г.⁵² В это же время Урал давал около 1/3 чугуна и стали, 1/4 качественного металла страны.

Широкое развитие получила цветная металлургия. В июле 1933 г. пущена первая очередь Уфалейского никелевого завода, который считается первенцем никелевой промышленности СССР. Через три года он дал первый в стране металлический кобальт. В августе 1934 г. пущен в эксплуатацию Пышминский медеелектролитный завод. Со временем, производя 100 тыс. т. рафинированной меди в год, он стал одним из крупнейших в Европе. В марте 1936 г. начал функционировать Соликамский магниевый завод, который ликвидировал острейший дефицит этого стратегического металла в государстве. В сентябре 1939 г. вступил в строй Уральский алюминиевый завод на базе местных бокситов. Он сыграл историческую роль в годы Великой Отечественной войны, когда после остановки Волховского и Днепропетровского заводов остался единственным в СССР производителем алюминия и его сплавов.

Соответствующий толчок для своего развития получила топливно-энергетическая база. За годы двух первых пятилеток мощность шахт Кузнецкого бассейна выросла в 10 раз⁵³. Если раньше он в основном обеспечивал топливом железные дороги, то теперь стал снабжать коксующимися углями урало-сибирскую металлургию.

Кузбасс на глазах превращался во второй Донбасс, а со временем перерос его и стал крупным поставщиком угля для европейских районов страны.

На новой угольно-металлургической базе закладывался прочный фундамент машиностроения. Заводы располагались главным образом на Урале (в их числе знаменитый Уралмаш) и частично в Новосибирске. Сооружение Уралмаша продемонстрировало возможность в трудных условиях оперативно мобилизовать необходимые ресурсы (средства и оборудование, квалифицированные кадры), что позволило в далекой глуши создать совершенное по тому времени предприятие, положившее начало прогрессивной отрасли народного хозяйства на востоке страны, так необходимой для его освоения.

Создание Урало-Кузнецкого комбината – яркий кадр в панораме России первой половины XX в. Уже в 1933 г. комбинат давал $\frac{1}{4}$ часть выплавки чугуна, $\frac{1}{6}$ часть производства кокса, около $\frac{1}{4}$ продукции основной химии в стране⁵⁴. О масштабах этого уникального эксперимента можно судить хотя бы по тому, что накануне Второй мировой войны Урал ежегодно получал 5 млн т кузнецких углей и направлял в Кузбасс свыше 2 млн т железной руды. Такая кооперация давала значительный эффект. Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты производили самый дешевый металл в стране⁵⁵. Правда, в 70-е годы на ежегодную перевозку за Уральский хребет около 1 млрд т топлива тратилось 10 млрд руб. Кроме больших затрат необходимо учитывать и огромную перегрузку транспорта, парализующую экономику страны.

Решение Урало-Кузнецкой проблемы открыло путь интенсивной индустриализации Сибири. В 30-е годы возникли сотни новых заводов и фабрик в тяжелой и легкой промышленности, коренной реконструкции подверглись старые. Число предприятий крупной промышленности, по сравнению с дореволюционным, выросло в 10 раз. Сибирская промышленность развивалась значительно быстрее, чем союзная. Если за первые две пятилетки валовая продукция крупной промышленности СССР выросла в 5 раз, то Сибири – в 9. Ведущие позиции занимала тяжелая промышленность. На ее долю в предвоенный период приходилось более половины общего объема промышленного производства.

Меньшее впечатление производили масштабы индустриального развития Дальнего Востока, хотя за годы довоенных пятилеток промышленность Приморья выпустила продукции в 8 раз больше, чем в 1913 г. Здесь удельный вес промышленности уже в годы первой пятилетки составлял 71%, в то время как сельского хозяйства – 29%, что свидетельствовало о существенном продвижении по пути модернизации⁵⁶.

Принципиально важно отметить, что в Азиатской России происходило не просто увеличение производственных мощностей тяже-

лой промышленности и интенсивное наращивание объемов выпускаемой продукции, а глубокая реконструкция народного хозяйства на базе новой техники. Стержнем этой реконструкции была принципиальная смена энергоносителей. Если раньше промышленное производство от Урала до Тихого океана основывалось на водяных, частично паровых двигателях, то к концу 30-х годов XX в. оно в основном перестроилось на электрический привод, что являлось важнейшей составляющей модернизационного перехода и знаменовало смену технологических укладов в экономике.

По данным Всероссийской переписи промышленных заведений 1920 г., на долю Сибири приходилось лишь 4,1% общей мощности двигателей РСФСР. Из них 62% были водяными и ветренными, тогда как по РСФСР только 14%. В два раза ниже был в Сибири удельный вес паровых двигателей, зато вдвое выше – конных приводов. Генераторы, динамомашины и электромоторы составляли всего 20% общей мощности двигателей, в то время как по РСФСР – 43%⁵⁷.

Через 20 лет в ходе интенсивной электрификации индустриальной сферы удельный вес электрогенераторов, электромоторов и электроаппаратов в промышленности Сибири достиг общесоюзного уровня. Их мощность в 2,6 раза превзошла мощность первичных двигателей. При этом надо иметь в виду, что сами первичные двигатели большей частью в виде паровых турбин были установлены на электростанциях. Значит, со стадийным отставанием в промышленности Сибири было покончено. Однако удельный вес двигателей прямого действия, т.е. неэлектрифицированных приводов, еще превышал общероссийские данные⁵⁸. И тем не менее можно смело утверждать, что в ходе модернизации произошли принципиальные изменения в энергетике промышленности, имеющие цивилизационное значение.

Следствием масштабной индустриализации и важным показателем процесса модернизации было интенсивное увеличение числа рабочих и их удельного веса в составе населения региона, рост городов и совершенствование городского образа жизни. Численность городского населения Урала между переписями 1926 и 1937 гг. увеличилась на 2544 тыс. человек, или в 2,6 раза, а сельское уменьшилось на 18,4%. Темпы роста городского населения Урала значительно превысили среднероссийские показатели. 13,6% всех горожан России жили на Урале. К началу 1939 г. в городах Урала проживало 35,6% всего населения региона против 16,9% в 1926 г.⁵⁹

Естественное течение рассматриваемых процессов нарушила Вторая мировая война. Она гипертрофировала развитие экономики Азиатской России. Сюда было эвакуировано более тысячи промышленных предприятий из европейских районов страны, захваченных фашистами. К осени 1942 г. на Урал прибыло 830 предприятий, в Сибирь – более 400. С одной стороны, они увеличили промышленный потенциал региона, а с другой, превратили его в кузницу ору-

жия, что затормозило индустриальное освоение и привело к тяжелым социально-экономическим последствиям. В этих условиях резко возросла роль Азиатской России в производстве вооружений, что имело судьбоносное значение для Отечества в суровую годину.

Перевод экономики на военные рельсы потребовал огромных усилий и средств. В 1942–1943 гг. на долю Урала приходилось около 25% всех капитальных вложений в народное хозяйство СССР⁶⁰. Доля Сибири в общесоюзном объеме капитальных вложений поднялась с 7% в 1940 г. до 18% в 1942 г. Сложные задачи встали перед металлургией. В связи с тем что юго-западная металлургическая база оказалась в руках немцев, основная ответственность за снабжение страны металлом легла на Урало-Кузбасс. Война коренным образом изменила профиль черной металлургии Урала, произошло резкое увеличение удельного веса легированной стали в общем объеме металлургического производства. Он стал основным поставщиком специальных марок стали для боевой техники. Для этого необходимо было обеспечить специальные присадки, в частности марганец. До войны на Урале добывалось лишь 0,7% союзного производства этой руды. Пуск крупных рудников на севере Свердловской области позволил увеличить производство марганца в разгар войны почти в 20 раз. Отчаянные попытки немцев разбомбить эти рудники провалились⁶¹.

Выдающимся успехом уральских металлургов стала выплавка броневой стали в больших мартеновских печах. 23 июля 1941 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате впервые в мировой практике была осуществлена выплавка броневой стали по новой технологии, что увеличило ее выпуск менее чем за полгода почти в сто раз. То был мировой рекорд. В разгар войны каждый второй советский танк был одет в магнитогорскую броню, каждый третий снаряд сделан из магнитогорского металла. В 1942–1944 гг. Магнитогорский комбинат давал стране 33% чугуна, 25% стали и проката, 56% железной руды и 30% кокса⁶².

За годы войны сильно увеличились мощности не только Магнитогорского комбината, но и других металлургических заводов, были построены новые, крупные, такие, как Челябинский и Чебаркульский. За годы войны выпуск чугуна в регионе возрос на 58%, стали – на 56, проката – на 57, стальных труб – на 43%. Такие показатели в значительной мере были достигнуты благодаря строительству и вводу в эксплуатацию 10 доменных, 32 мартеновских, 16 электро-, и 16 ферросплавных печей, 2 бессемеровских конверторов, 12 прокатных и 6 трубопрокатных станов, 11 коксовых батарей, более 100 шахт и угольных разрезов⁶³. Такой выдающийся вклад уральских металлургов в дело победы на века вошел в анналы российской истории.

В короткий срок освоил производство качественного металла Кузнецкий металлургический комбинат. В суровом и ответственном

для судеб страны 1942 г. Сибирь дала около $\frac{1}{3}$ общесоюзного производства чугуна, свыше $\frac{1}{4}$ стали и проката, почти $\frac{1}{2}$ кокса и $\frac{1}{3}$ марганца, а вместе с Уралом почти 100% этой ценнейшей продукции⁶⁴. Именно за счет Урало-Кузбасса к 1943 г. Советский Союз превзошел Германию по производству качественного металла, что послужило залогом нашей победы. Сибирь в большом количестве поставляла цветные металлы, особенно после пуска Норильского горно-обогатительного комбината, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов. Они похоронили надежды Гитлера на то, что после захвата предприятий цветной металлургии в европейской части СССР, прежде всего алюминиевых заводов, советскому самолетостроению будет нанесен непоправимый урон.

Сибирские угольные бассейны сыграли решающую роль в обеспечении предприятий и транспорта топливом. Их доля в общегосударственной добыче угля увеличилась с 19% в 1940 г. до 38% в 1942 г.⁶⁵ Высокими темпами развивалась сибирская электроэнергетика. В то время как за годы войны производство электроэнергии по стране уменьшилось, в Сибири оно возросло вдвое. В военные годы удельный вес Сибири в общесоюзной выработке электроэнергии увеличился более чем в 2 раза, что имело большое значение для слаженной работы сибирского тыла и укрепления обороноспособности государства в целом. Примечательно, что $\frac{3}{4}$ электроэнергии давала Западная Сибирь – районы, прилегающие к Урало-Кузбассу.

В связи с переводом экономики на военный лад особенно высокими темпами развивались машиностроение и металлообработка. При общем росте промышленного производства в Западной Сибири за первые два военных года в 2,5 раза продукция машиностроения и металлообработки увеличилась в 8 раз, а военного производства – почти в 30 раз. В 1942 г. Сибирь произвела 10% промышленной продукции страны вместо 4% в 1940 г.⁶⁶ Она превратилась во второй после Урала военно-промышленный арсенал Родины и внесла весомый вклад в подготовку условий для коренного перелома на фронтах Великой Отечественной войны.

В целом за годы войны объем промышленного производства в Западной Сибири увеличился почти в 3, а в Восточной – в 1,5 раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии. Только один из сибирских авиационных заводов выпустил 15 тыс. самолетов, т.е. каждый десятый советский самолет военных лет⁶⁷. Для сравнения можно заметить, что США и Англия поставили СССР за годы Второй мировой войны 18 тыс. самолетов. Сибирь дала значительную долю снарядов и различных видов вооружения, которые сыграли важную роль в сражениях Второй мировой войны.

Решающую роль в обеспечении фронта бронетехникой сыграли уральские танковые заводы в Челябинске, Свердловске и Нижнем

Тагиле. За годы войны только челябинские танкостроители поставили 18 тыс. единиц боевой техники⁶⁸. В целом промышленность Урала давала 2/3 выпускавшихся в СССР танков, что превышало производство этого вида вооружений всей Германии⁶⁹. Основную роль в производстве стрелкового оружия в стране сыграл Ижевский машиностроительный завод, который изготовил в войну 11,1 млн винтовок и карабинов (92,8% их общесоюзного производства)⁷⁰. В общей сложности на долю Урала в годы Второй мировой войны приходилось до 40% военного производства СССР⁷¹.

На Дальний Восток эвакуация промышленных предприятий не производилась по причинам сложной международной обстановки в Тихоокеанском регионе, дальности перевозок, отсутствия надежной индустриальной базы и недостатка квалифицированных кадров. Тем не менее дальневосточники активно участвовали в укреплении обороноспособности страны. Здесь производились бомбы, снаряды, гранаты, мины, различное снаряжение. Горная промышленность поставляла свинец, висмут, цинк, серебро и другие редкоземельные металлы. Местная промышленность уже в начале войны наладила производство тех изделий, которые ранее поставляли из европейских районов страны. Было усилено внимание рыбному промыслу, который обеспечивал продуктами питания как местное население, так и фронт. Важное стратегическое значение имела транспортировка импортных грузов, поступающих через дальневосточные порты. За годы войны Владивостокский порт отправил в западном направлении 7,9 млн т. импортного груза по ленд-лизу, более 373 тыс. вагонов и платформ⁷².

При всех трудностях военного времени оно не остановило модернизацию Азиатской России, но гипертрофировало ее. Интенсивное развитие получили только те отрасли, которые работали на оборону. Они истощали природные ресурсы региона и наносили огромный урон его экологии. В военных отраслях был достигнут заметный технический прогресс, росла производительность труда, но главным образом за счет его интенсификации.

Интенсифицируя оборонное производство, война резко затормозила развитие традиционной экономики. Вывозка древесины в Сибири уменьшилась почти на 45%, производство кирпича – на 50%. Война отрицательно сказалась на состоянии местной промышленности, всех видов транспорта. Чрезвычайные обстоятельства военного времени имели краткосрочное влияние на темпы индустриального развития региона. Они в дальнейшем затормозились в связи с процессом реконверсии, а в некоторых важнейших промышленных центрах наблюдалось даже снижение выпуска валовой продукции. В 1946 г. на 1/3 часть уменьшилось производство в Кемеровской области и Красноярском крае. Последствия войны негативно отражались на экономике региона вплоть до середины 50-х годов, а некоторые влияют не лучшим образом и до сих пор, потому что на его тер-

ритории оказались производства, которые в мирное время здесь никто бы не стал создавать.

Война привела к значительному росту численности рабочих (к концу войны на Урале трудилось $\frac{1}{3}$ всех промышленных рабочих страны) и сокращению крестьянства региона, росту городского населения и уменьшению сельского, что предполагает модернизация, но все это носило неестественный, разрушительный характер. При общем сокращении населения Урала за военный период на 1 млн человек (на 7,7%), удельный вес горожан увеличился с 37,5% до 49,4%, а селян снизился с 62,5% до 50,6%⁷³. Такое выравнивание городского и сельского населения имело крайне противоречивые социально-экономические последствия.

Индустиальный рост второй половины 40-х–80-х годов XX века

После Отечественной войны наступил новый этап в развитии производительных сил Азиатской России, который характеризовался значительным укрупнением масштабов индустриального освоения, прежде всего Сибири, вышедшей на арену мировых свершений, особенно в энергетической области. Стартовой площадкой сдвига индустрии на Востоке по-прежнему оставался Урал, который в послевоенные годы выполнял двойную роль. С одной стороны, он обеспечивал восстановление европейских районов, разрушенных в годы Второй мировой войны, с другой, стал базой нового витка гонки вооружений, теперь уже холодной войны. При этом он оставался плацдармом подготовки невиданного в мировой практике штурма земных недр Северной Азии.

В ходе выполнения задач национальной важности Урал испытывал огромные перегрузки, которые привели к значительному истощению его ресурсов, и он уступил пальму первенства индустриальному развитию Сибири. Если до середины XX в. уральская черная металлургия работала преимущественно на собственной рудной базе, то в 1965 г. за счет уральских горных предприятий удовлетворялось только 85% ее потребностей, в 1970 г. – 60, а в 1980 – 50%. Обеспеченность медеплавильных заводов местной рудой составляла к 1980 г. 10–30%⁷⁴.

Одним из наиболее важных результатов индустриального развития Урала во второй половине XX в. было создание крупнейшего военно-промышленного комплекса. Остановимся на его сердцевине – ядерном вооружении. Летом 1945 г. на Урале начались поиски места для предприятий по выпуску оружейного плутония и высокообогащенного урана, а 1 декабря было принято Постановление Совета Министров СССР о строительстве плутониевого завода под Кыштымом. Там уже полным ходом шли подготовительные работы⁷⁵. В

1948 г. комбинат “Маяк” (Челябинск-40) вступил в строй. На нем были получены первые килограммы плутония-239, что дало возможность создать советскую атомную бомбу. Ее испытание состоялось в августе 1949 г. на Семипалатинском полигоне в Казахстане, что покончило с атомной монополией США.

В 1949 г. выпустил первую продукцию Уральский электрохимический комбинат (Свердловск-44), который специализируется на разделении изотопов урана. Он сыграл выдающуюся роль в решении атомной проблемы в очень трудное для страны время, а в дальнейшем выполнял ответственные задания по мирному использованию внутриядерной энергии и валютному обеспечению государства. В конце 40-х – первой половине 50-х годов созданы крупные предприятия (Электрохимприбор – Свердловск-45 и Приборостроительный завод – Златоуст-36) по серийному производству ядерных боеприпасов⁷⁶.

Атомная промышленность Урала сконцентрировала его огромный производственный и научно-технический потенциал, уникальный опыт высококвалифицированных кадров. После пуска первых предприятий она долгие годы совершенствовалась и достигла полного цикла производства ядерного и термоядерного оружия. Уральские атомщики передавали свой опыт в Сибири и других частях СССР. Они внесли неоценимый вклад в укрепление обороноспособности страны и обеспечение ее независимости. Вместе с тем атомная промышленность привела к невиданному загрязнению окружающей среды на Урале, превратила его в одну из самых крупных в мире радиоактивных зон.

Широкие горизонты индустриального освоения в послевоенный период открылись перед Сибирью, что было обусловлено новым этапом модернизации страны, выросшими масштабами ее народного хозяйства, особенно под влиянием научно-технического прогресса и конфронтации со странами западного мира, а также слабой эффективностью советской экономики, опирающейся на сырьевую базу. В повестку дня было включено решение очередной крупной народнохозяйственной проблемы – Ангаро-Енисейской.

Ее зарождение относится еще к началу века. В разгар гражданской войны молодой инженер В. Малышев составил эскизные предложения об использовании водных сил верховьев Ангары. Тогда же инженер А. Вельнер осуществил аналогичную работу по среднему течению Ангары. Эти исследования дали материал для научной постановки Ангарской проблемы. Когда весной 1920 г. комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) заинтересовалась перспективами гидростроительства на Ангаре, А. Вельнер представил ей на рассмотрение доклад “Водные силы Ангары и возможности их использования”. Он предполагал строительство на Ангаре 11 гидроэлектростанций общей мощностью свыше 2 млн кВт, что в 2 раза превышало мощность всех электростанций страны того времени. На базе

дешевой энергии и запасов полезных ископаемых должны были развиваться электрометаллургия, электрохимия, золотодобыча, деревообработка. Планировалось получение в больших масштабах чугуна, стали, меди, ферросплавов, азотной кислоты. Рассмотрев предложения А. Вельнера, комиссия ГОЭЛРО, однако, пришла к выводу, что более пристальное изучение Ангары и возможностей использования ее гидравлических сил заставляют отодвинуть осуществление этих работ по крайней мере на следующее за ближайшим десятилетие.

В 1925 г. Г. Кржижановский и А. Цурюпа вновь поставили вопрос об использовании энергоресурсов Ангары. Тогда впервые государственными органами была сформулирована идея создания в Приангарье крупного промышленного центра по производству энергоемкой продукции в таком количестве, в каком она не может быть получена в других районах страны. По заданию Сибирской группы ГОЭЛРО при Госплане СССР В. Малышев на материалах своих прежних исследований составил записку “Лено-Байкальская область и ее перспективы”, в которой развил эти положения. Давая характеристику состояния хозяйства района и его перспектив, автор указал, что здесь имеются все виды источников энергии, в том числе нефть, а “область как бы создана природой в преддверии ее будущей электрификации”.

В 1929 г. исследовательские работы по Ангаре были включены в пятилетний план. Она стала признанной народнохозяйственной проблемой. На следующий год по просьбе Сибирской краевой плановой комиссии крупнейший советский ученый академик И.Г. Александров разработал комплексный план исследований по ангарской проблеме, который получил одобрение Госплана СССР. Основываясь на материалах предшествующих исследований, при активном участии В. Малышева, И. Александров уже в то время дал настолько продуманную схему использования энергетических ресурсов Приангарья, что она до настоящего времени сохраняет многие принципиальные положения. На Ангаре он намечал, как и проектируется сейчас, 6 гидроэлектростанций. Они должны составлять непрерывный каскад и использовать в качестве регулирующего водохранилища оз. Байкал. Особенное внимание И.Г. Александров обращал на “согласованный рост всего комплекса производства”, с тем чтобы не допустить диспропорций в выработке и потреблении электроэнергии.

Исследования по ангаро-енисейской проблеме велись широко и комплексно. Наряду с вопросами гидростроительства изучались возможности сооружения тепловых электростанций, проектировались промышленные комплексы, изыскивались сырьевые ресурсы для них. Все это рассматривалось в тесной взаимосвязи. Решением сложных задач занималось около 30 научно-исследовательских институтов. Такой комплексный метод оказался очень эффективным

и был использован позднее при аналогичных исследованиях не только в нашей стране, но и за рубежом.

В середине 1930-х годов завершился первый этап этих исследований. Они подтвердили и углубили основные положения И.Г. Александрова. На Ангаре и Енисее с притоками проектировалось около 40 крупнейших электростанций, которые могли ежегодно вырабатывать свыше 160 млрд кВт·ч электроэнергии. Перспектива строительства грандиозных, невиданных электростанций в то время казалась фантастической. Уникальный каскад гидроэлектростанций поражал воображение современников. В 1936 г. экспертная комиссия Госплана СССР дала высокую оценку исследованиям по ангарской проблеме и признала, что на их основе можно принимать ответственные решения. После этого крупные изыскательские работы приостановились. Сложная международная обстановка вообще и на Дальнем Востоке, в частности, а также внутренние трудности не позволили до Второй мировой войны приступить к практическому осуществлению идей Ангаростроя⁷⁷.

Сразу же после окончания войны исследовательские работы возобновились с новой силой. В августе 1947 г. Академия наук и Госплан СССР совместно с Иркутским областным Советом депутатов трудящихся провели конференцию по развитию производительных сил области. Конференция пришла к выводу, что удачное сочетание комплекса топливных и гидроэнергетических ресурсов с большими и многообразными запасами полезных ископаемых выдвигает Иркутскую область в число первоочередных и наиболее перспективных районов для промышленного освоения. Конференция высказалась за специализацию области на энергоемких производствах, отметила исключительно благоприятные возможности Восточной Сибири в целом. Рекомендовалось строительство на верхнем участке Ангары вместо нескольких гидроэлектростанций одной крупной – Иркутской ГЭС. По замечанию академика А. Винтера, не стоило делить драгоценный алмаз на части. Страна к тому времени стала достаточно сильной технически и экономически, чтобы справиться с такой сложной задачей.

После конференции широким фронтом развернулись комплексные исследования по изучению энергетических и сырьевых ресурсов Восточной Сибири. В 1953 г. ветераном ангарских исследований инженером П. Дмитриевским была закончена разработка схемы комплексного использования всего течения Ангары. Она предусматривала сооружение на Ангаре 6 гидростанций общей мощностью в 10 млн кВт с годовой выработкой около 70 млрд кВт·ч. В дальнейшем благодаря новым техническим решениям удалось увеличить проектную мощность каскада до 17 млн кВт. В 50-х годах группа инженеров Гидроэнергопроекта составила схему использования энергии Енисея, определив мощность каскада гидростанций более чем 50 млн кВт, а выработку электроэнергии – 180 млрд кВт·ч.

Столь долгое и пристальное внимание ученых к ангаро-енисейской проблеме объясняется тем, что здесь сочетаются уникальные запасы сырья с богатейшими источниками энергии. Исторически получилось так, что основные производственные мощности и людские ресурсы располагались в европейской части страны, а источники сырья и энергии – в Сибири. В Восточной Сибири, где проживает 3% населения страны, общие запасы энергетических ресурсов составляют 73%. Здесь находятся $\frac{3}{4}$ угольных и чуть ли не половина гидроэнергетических ресурсов государства. Причем использование этих запасов обходится относительно дешево. Себестоимость добычи угля в Канско-Ачинском бассейне в 15–20 раз ниже, чем на шахтах центральных районов страны. В десятки раз меньше затраты по производству электроэнергии на крупных гидростанциях. И потом, народное хозяйство уже просто не могло обходиться без активного использования энергетических и сырьевых ресурсов района.

В середине 50-х годов дал промышленный ток первенец Ангарского каскада – Иркутская ГЭС. В 1961 г. состоялся пуск Братской гидроэлектростанции, а в 1967 г. – Красноярской. Вскоре они достигли проектной мощности: Братская – 4,5, а Красноярская – 6 млн кВт. Долгое время они оставались одними из самых мощных гидростанций мира. Сибирские гидростанции XX в. превзошли древние, да и современные, чудеса строительного искусства. Объем бетона, камня, земли, использованных при сооружении Братского гидроузла, почти в 20 раз превышает объем египетской пирамиды Хеопса, которая 50 веков изумляла мир своей грандиозностью. При всем том расход бетона и железобетона на единицу мощности ГЭС невелик. Во всем мире трудно найти гидростанцию, соперничающую с Братской в этом отношении.

По удельным затратам на строительство сибирские ГЭС являются самыми дешевыми в мире и, как правило, быстро окупаются. Братская ГЭС полностью окупила стоимость строительства уже к сдаче Государственной комиссии. Каждые 2 года достигалась фондоотдача, равная капитальным вложениям в строительство. За первые 20 лет эксплуатации она выдала народному хозяйству около 400 млрд кВт·ч электроэнергии и 8 раз окупила затраты на свое сооружение.

Наряду со значительными успехами сибирское энергостроительство переживало серьезные трудности и прорывы. Прежде всего были неоправданно растянуты сроки строительства отдельных станций. Братская и Иркутская ГЭС дали промышленный ток через 7 лет после начала строительства, Красноярская – через 12. Более 10 лет продолжалось строительство Усть-Илимской и Саяно-Шушенской ГЭС, хотя они сооружались на готовых строительных базах Братскгэсстроя и Красноярскгэсстроя.

Систематически отставала прокладка линий электропередачи, что “запирало” готовые мощности и препятствовало выходу элект-

роэнергии к потребителям. В первые годы функционирования Братской ГЭС из-за отставания строительства ЛЭП и неготовности основных потребителей электроэнергии ее установленная мощность использовалась только на $\frac{1}{3}$. Дело доходило до того, что через готовые агрегаты вода сбрасывалась вхолостую, потому что некуда было девать электроэнергию. При этом в соседних районах сохранялся значительный дефицит электроэнергии. На ряде промышленных предприятий Красноярского края не хватало $\frac{1}{4}$ потребной электроэнергии.

Неполное использование введенных мощностей означало омертвление больших капитальных вложений и вело к удорожанию себестоимости продукции, дополнительным расходам по производству недостающей электроэнергии на тепловых электростанциях, напрасным затратам на ввод временных неэкономичных мощностей. Все эти отрицательные явления порождались ведомственным подходом к развитию энергетики и в целом экономики районов нового хозяйственного освоения.

Со второй половины 1960-х годов ситуация диаметрально изменилась. В Ангара-Енисейском регионе с пуском в строй основных энергоемких производств обнаружился дефицит электроэнергии. Энергетической мощности стало катастрофически не хватать. В марте 1966 г. управляющий Иркутскэнерго П. Некряченко заявил: "Мы уже сегодня ощущаем дефицит в одном из крупных промышленно-индустриальных районов – Иркутско-Черемховском". В дальнейшем дефицит последовательно нарастал, что свидетельствовало о необходимости и оправданности крупного энергетического строительства в регионе.

Электроэнергетика стала могучим катализатором индустриального освоения Ангара-Енисейского региона. Уже в 1970 г. на его долю приходилось 60% электроэнергии, 33% валовой продукции промышленности, 55% пиломатериалов, 100% целлюлозы, производимых в Сибири. За последующее 15-летие валовая продукция его промышленности выросла втрое. Здесь сформировался ряд уникальных территориально-производственных комплексов, и среди них такие всемирно известные, как Братско-Усть-Илимский и Саянский.

Вместе с тем нельзя не отметить, что энергетическое строительство оказывает пагубное воздействие на окружающую среду. Для заполнения Братского водохранилища пришлось удержать 2-летний сток такой могучей реки, как Ангара. По объему оно вошло в число крупнейших искусственных водоемов планеты. Плотина Иркутской ГЭС подняла уровень самого большого в мире пресноводного оз. Байкал почти на метр, что привело к переформированию береговой линии на большом протяжении со всеми негативными последствиями для его обитателей.

Водоохранилища затопливают крупные массивы леса и сельскохозяйственных угодий. В зону затопления Братской ГЭС, например,

попало 75 тыс. га таких угодий, Усть-Илимской – 24 тыс. га, в том числе знаменитая Илимская пашня, которая сотни лет кормила многие поколения сибиряков. В зоне затопления, как правило, уничтожается растительность, причем в больших масштабах. При подготовке ложа Братского водохранилища вырублено свыше 30 млн куб. м древесины, около 10 млн куб. м вырубить не успели. Добротная ангарская сосна ушла под воду⁷⁸.

Во второй половине XX в. индустриальное освоение Сибири сфокусировалось на добыче нефти и газа, открытие которых имело мировое значение. Этому предшествовало почти 300 лет упорных поисков, редких находок, больших надежд и горьких разочарований. На пути к цели русскими землепроходцами, промышленными людьми, горными инженерами и рабочими преодолевались не только тысячи километров глухой тайги и непроходимых болот, но и дебри противоречивых концепций, столкновения научных школ, государственных, ведомственных и частных интересов, обманчивых иллюзий, упорный скептицизм.

Планомерная научно обоснованная разведка нефти в Сибири началась в 20–30-х годах XX в. Все дальше в тайгу и тундру уходили отряды геологов в поисках сырья и источников энергии для зарождающейся индустрии. Они шли под аккомпанемент страстных дискуссий о путях формирования в земных недрах полезных ископаемых, о методах их поиска и добычи. Констатируя пестроту воззрений на вопрос о происхождении нефти, известный русский нефтегеолог академик И.М. Губкин отмечал наличие двух противоположных концепций: неорганической и органической. Сторонники первой концепции утверждали, что нефтяные месторождения строго фиксируются в местах их происхождения. Следовательно, нефтепоисковые работы необходимо вести в пунктах с обильными и ярко выраженными поверхностными нефтепроявлениями. Если промышленную нефть здесь не удалось обнаружить, то эти районы должны быть отнесены к бесперспективным. Приверженцы второй концепции полагали, что нефть обладает исключительно высокими миграционными свойствами, и наиболее богатые месторождения должны находиться в местах вторичных отложений. Борьба сторонников этих концепций приобрела исключительно острый характер и, более того, из тиши научных лабораторий выплеснулась в кабинеты хозяйственных руководителей.

Выступая в июне 1932 г. на выездной сессии Академии наук, посвященной проблемам Урало-Кузбасса, И. Губкин поставил “вопрос о поисках нефти на восточном склоне Урала”. Этот неожиданный прогноз, казалось, абсолютно не согласовывался с совокупностью имевшихся в литературе сведений о геологическом строении Западно-Сибирской низменности. На ее территории не было зарегистрировано ни одного района с признаками нефтеносности. В кругах нефтегеологов на Западную Сибирь смотрели как на совершенно

бесперспективный район. Заявление Губкина опрокидывало устоявшиеся представления. Оно породило многолетний диспут ученых и практиков, подлинный нефтяной референдум. С переменным успехом он продолжался без малого четверть века. Сменилось не одно поколение ученых и геологов-практиков, научных школ и их концепций, пройдены тысячи километров тайги и тундры, потрачены миллионы рублей государственных средств.

В сентябре 1952 г. на севере Тюменской области в районе пос. Березова на буровой инженера А. Быстрицкого ударил мощный газовый фонтан. Его высота достигла 50 м. Ежесуточно из недр извергалось свыше 1 млн куб. м газа. На укрощение потребовалось более 7 месяцев. Кстати, в результате специальных работ выяснилось, что если бы скважину пробурили в месте, предусмотренном проектом, она бы дала только воду.

Березовский фонтан возвестил о рождении новой нефтегазовой провинции и вознес на вершину славы тех, кто, не щадя сил и энергии, не отступая перед трудностями, испытаниями и авторитетами, настойчиво и целеустремленно шел навстречу открытию. Что касается нефти, то ощутимых результатов пока не было. Одна из причин заключалась в том, что центр поиска смещался к южным районам Сибири (считалось, что наиболее благоприятные условия для ее промышленных месторождений существуют на стыке Уральской и Западно-Сибирской геологических провинций). К тому же окраинные районы Западно-Сибирской низменности по сравнению с непроходимыми болотами Средней Оби были более доступны и для разведки, и для добычи.

Пока сибирская нефть “не давалась в руки”, начали вновь крепнуть голоса ее противников. А тут еще возникла новая проблема – возможное затопление поймы Оби в результате создания каскада гидроэлектростанций. Водохранилище самой крупной из них Нижне-Обской ГЭС должно было затопить свыше 100 тыс. кв. км низменности. В результате реализации проектов строительства всех станций каскада общая территория зон затопления могла составить величину, близкую к акватории Балтийского моря. На месте бескрайних болот Обь-Иртышского междуречья проектировщикам виделось громадное внутреннее море, воды которого предполагалось направить через Тургайские ворота в засушливые районы Казахстана и на хлопковые плантации среднеазиатских республик. В результате напряженной и упорной борьбы мнений удалось принять правильное решение. Проектирование гидроэлектростанций было приостановлено, а затем и практически снято с повестки дня, что обеспечило успешную разведку и последующую эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений.

В сентябре 1959 г. там же в Тюменской области, у с. Шаим, бригада бурового мастера С. Урусова открыла нефтеносный пласт, точный дебит которого составлял более 1 т легкой нефти. В июле

следующего года та же бригада вскрыла еще один мощный нефтяной пласт. Присутствующий при испытании скважины глава сибирской школы нефтяников академик А.А. Трофимук четко заявил: “Это первая большая нефть Сибири, имеющая промышленное значение”⁷⁹.

Наряду с нефтяными были открыты уникальные газовые месторождения: Уренгойское, Медвежье, Заполярное и другие. Особенностью первых западносибирских месторождений является их концентрация на сравнительно небольшой территории, неглубокое залегание, высокая мощность пластов, что обеспечивало получение из одной скважины большого количества газа и высокие технико-экономические показатели разработки месторождений. Эти открытия вывели Советский Союз по запасам природного газа на первое место в мире.

В связи с тем что осваивать месторождения всей Сибири сразу невозможно, да в этом и не было необходимости, для начала были отобраны наиболее эффективные. Они располагались в Среднем Приобье, на территории Тюменской области. Из бескрайних приобских болот на глазах изумленного мира с поразительной быстротой вставали нефтяные вышки и опоры линий электропередач, заводские корпуса и кварталы новых городов.

Невиданное по масштабам сражение за нефть и газ развернулось на огромной площади, превышающей территорию Великобритании, Франции, Италии и ФРГ, вместе взятых. Оценивая ситуацию тех лет, Председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик М.А. Лаврентьев говорил: “Освоить богатые тюменские месторождения так же сложно, как и космос. Здесь все уникально, все огромно...” Да и по времени наступление на сибирскую нефть совпало с началом освоения космоса.

В январе 1961 г. в Березово родился первенец сибирской газодобывающей промышленности. В мае 1964 г. из первой в Среднем Приобье нефтяной скважины была получена нефть, которая в специальных баржах переправлялась на нефтеперерабатывающий завод в Омск. Этот опыт показал, что в экстремальных северных условиях добыча нефти и газа требует новых методов, новой стратегии, широкого научного поиска, оригинальных технических и организационных решений.

Добыча нефти в Западной Сибири поднялась с 1 млн т в 1965 г. до 400 млн т в 1986, составив 65% общесоюзного уровня. Через 14 лет с начала эксплуатации тюменские нефтепромыслы получили миллиардную тонну нефти, тогда как Татарии для этого потребовалось четверть века, Башкирии – полвека, Азербайджану – более столетия. Для достижения второго миллиарда тюменцам хватило 3 лет.

Вскоре Западная Сибирь обогнала по производству нефти крупнейшее нефтедобывающее государство Ближнего Востока – Сау-

довскую Аравию. Она производила “черного золота” больше, чем такие всемирно известные поставщики, как Иран, Ирак, Катар, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, вместе взятые. Сибирь давала $\frac{1}{6}$ часть мирового производства нефти. Этим определялась ее экономическая и политическая роль в мире.

Создание гигантского многоцелевого комплекса в условиях отдаленности и сурового климата не могло обойтись без противоречий и конфликтов, просчетов и издержек как материального, так и морального свойства. Попробуем хотя бы кратко очертить эти коллизии, без которых невозможно понять освоение Тюменского Севера, оценить масштабы достигнутого и осмыслить уроки на будущее.

С первых шагов формирования и до наших дней в теории и на практике с переменным успехом идет борьба мнений по двум основополагающим вопросам: какие месторождения углеводородов осваивать и как это делать; основательно обживать Север или ограничиться временными поселениями вахтовыми бригадами.

Первый вопрос приобрел особую остроту в начале 80-х годов, когда кончилась пора “золотых фонтанов”. Ослепленные их блеском руководители разных уровней не предприняли достаточных мер, для того чтобы, с одной стороны, обеспечить необходимый прирост разведанных запасов нефти, а с другой – подготовиться к новому этапу нефтедобычи, связанному с эксплуатацией менее эффективных месторождений, требующих высокого уровня механизации.

Серьезное препятствие на пути преодоления возникших трудностей составляла ведомственность. Многочисленные главки, как удельные княжества, независимо друг от друга, а нередко и в ущерб друг другу пытались вести свое хозяйство, что наносило значительный урон государству. В то время как геологи предлагали расширить поиск нефти, с тем чтобы быстрее наращивать ее добычу, нефтяники не торопились пойти навстречу, брали задания полегче, с которыми проще справиться. На многих нефтяных месторождениях горели гигантские факелы попутного газа, который не собирался и не использовался.

Если в столкновении друг с другом ведомства иногда поступались своими интересами, то в противоборстве с природой – никогда. Она гибнет под натиском бульдозеров и вездеходов, горящих факелов и просто разлитой нефти. До начала нефтегазовой эпопеи в пойме р. Оби Тюменская область поставляла к столу россиян более $\frac{1}{5}$ части всей рыбы, выловленной во внутренних водоемах страны. После того как в нарушение правил бурения и эксплуатации нефтяных скважин в реки и озера стали попадать тысячи тонн нефти, уловы рыбы резко сократились. За первую половину 60-х годов вылов сиговых рыб (нельмы, стерляди и другой) сократился на $\frac{1}{4}$. А к 1970 г. улов рыбы уменьшился еще вдвое. В дальнейшем темпы падения улова снизились, но рыбы от этого больше не стало.

По второму вопросу, касающемуся методов обживания Севера, существуют две полярные точки зрения. Одни считают, что здесь надо строить города и рабочие поселки, фактически так и происходит. Более того, небольшие поселки чисто производственного назначения даже на дальних промыслах рано или поздно перерастают в городские поселения. Рабочие и инженерно-технический персонал хотят жить вместе с семьями там, где трудятся. Да и Сибирь, хотя и суровую, надо обживать, иначе о каком освоении можно всерьез говорить.

Другие придерживаются противоположной точки зрения – не видят необходимости в создании дорогостоящей инфраструктуры на Севере и высказываются за его вахтовое освоение. В условиях интенсивного продвижения в труднодоступные районы, дефицита в них трудовых ресурсов и хронического отставания жилищно-бытового строительства от роста масштабов производства на практике все чаще приходится прибегать к вахтовому методу.

Несмотря на большие трудности и просчеты в создании и развитии Западносибирского нефтегазового комплекса, его значение в экономике страны сложно переоценить. В короткий срок он стал не только главным поставщиком углеводородного сырья для внутренних потребностей, но и крупнейшим его экспортером на мировой рынок, одним из важнейших источников валютных поступлений. Только за 10 лет (1974–1984) экспорт нефти и продуктов ее переработки дал стране около 200 млрд инвалютных рублей, что на некоторое время компенсировало низкую эффективность производства, отодвинуло кризис советской системы⁸⁰.

Оценивая в целом промышленное освоение Сибири в XX в., можно заключить, что оно получило не только всероссийское, но и мировое значение, отличалось высокими темпами и крупными масштабами, играло важную стратегическую роль, особенно в годы Второй мировой войны и геополитического противостояния СССР и США в 50–80-х годах, когда на долю ВПК приходилось 37% общей численности занятых в регионе. Промышленное освоение переродило этот край, превратив его из аграрного в индустриальный. Сибирь немало давала России, нередко спасая ее в критических ситуациях, а получала несравненно меньше. Конечно, из первобытного состояния она вышла на позиции современного цивилизованного развития, но уровень этого развития, особенно его социальная составляющая, далеко не соответствуют тому вкладу, который внесен регионом в экономику страны.

Транспортное освоение

В тесной связи с промышленным развитием Азиатской России находилось ее транспортное освоение, что имело принципиальное значение в условиях огромной территории региона и его удаленности от центра страны. Однако рассмотреть этот вопрос в рамках

данного раздела сколько-нибудь подробно не представляется возможным. Поэтому преимущественно остановимся только на двух ключевых аспектах: значении прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали и строительстве БАМа.

В 1878 г. вступила в строй Уральская горнозаводская дорога Пермь – Екатеринбург, а в 1885 г. – линия Екатеринбург – Тюмень. Еще через 10 лет с введением линии Челябинск – Екатеринбург Урал получил южный выход в общегосударственную железнодорожную сеть и тем самым осуществилась его связь с центром страны⁸¹.

В последней четверти XIX в. долго и трудно прорабатывался вопрос о строительстве железнодорожной магистрали от Урала до Тихого океана, но само строительство пошло быстро. В 1894 г. первый поезд пришел из Челябинска в Омск, на следующий год – в Новую деревню на Оби (ныне Новосибирск). Еще через год вся Западносибирская железная дорога вошла в эксплуатацию. На рубеже столетий поезд подошел к Байкалу с запада и вскоре с востока. Строительство самой протяженной в мире Транссибирской железнодорожной магистрали завершилось в рекордно короткий срок – 9 лет. “После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала, – писали обозреватели со Всемирной выставки 1900 г. в Париже, – история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирской железной дороги”

Великий сибирский рельсовый путь от Урала до Тихого океана создал важные предпосылки для ускорения развития производительных сил региона. Он открыл выход в Европу для сельскохозяйственной продукции Сибири и удешевил доставку сюда промышленных товаров из европейской части страны, интенсифицировал заселение края. “Позвоночный хребет русского великана”, как тогда называли Трансисиб, сыграл выдающуюся геополитическую роль, закрепив за Россией ее дальневосточную окраину, что имело принципиальное значение во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и в последующие годы XX в.

Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке долгие годы ассоциировалось с сооружением Байкало-Амурской магистрали. Идея строительства железной дороги севернее Байкала с выходом на Амур уходит своими корнями во времена проектирования Транссибирской магистрали, т.е. в последнюю четверть XIX в. Тогда в поисках кратчайшего выхода к Тихому океану рассматривался вариант пути через Красноярск – Братск – Нижнеангарск, долину Верхней Ангары и бассейна Витима на соединение с Амурской дорогой в Хабаровске. От поселка Чара в Забайкалье и с верховьев Лены намечалось сделать ответвления на Читу и Благовещенск. Провести необходимые исследования, тем более проложить северную трассу в то время было невозможно ни по техническим, ни по

экономическим условиям. Пришлось ориентироваться на более длинный, но реальный южный вариант, по которому и прошел Транссиб.

В самом начале XX в. возникла идея сооружения Сибиро-Аляскинской железной дороги, которой предстояло обеспечить сообщение по маршруту Париж – Нью-Йорк через Канск (на Транссибе), Киренск, Якутск, мыс Дежнева, через тоннель под Беринговым проливом и Аляску. С целью продвижения этого проекта в Петербург прибыл французский инженер Л. де Ло-бель. За его спиной стояли крупные представители американского делового мира Э. Гарриман, А. Куртис и другие. В связи с тем что дороге предстояло пройти по северным, практически неосвоенным и незаселенным районам Сибири и Дальнего Востока, на нее возлагались большие надежды по вывозу природных ресурсов края за рубеж.

Решение о выдаче концессии на строительство дороги подписал Николай II, но оно потонуло в бюрократической волоките царских канцелярий. Тем временем Министерство путей сообщения при поддержке других ведомств добилось разрешения на строительство Амурской железной дороги, что после поражения России в войне с Японией имело важное значение для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке.

Последовавшие за этими событиями мировая война и революция в России, казалось бы, заставили забыть северобайкальский вариант сибирской магистрали, тем более, что Транссиб на том этапе успешно справлялся со своей миссией. Однако с конца 20-х годов этот вопрос вновь начал выходить на повестку дня. Группа иркутских инженеров выступила с предложением о проведении железной дороги в золотопромышленные районы Якутии с последующим выходом к портам Охотского моря. В 1930 г. профессор Н.Н. Колосовский, активно работающий над проблемами развития производительных сил Сибири, выдвинул проект строительства двух железных дорог: Якутск – Вилуйск – Киренск – Усть-Кут – Тулун и Якутск – Алдан с выходом на Амурскую железную дорогу.

В том же году дальневосточные краевые организации обратились в Москву с предложением провести железнодорожную магистраль по северному побережью Байкала в направлении Татарского пролива. Она была названа БАМом. Ей предстояло обеспечить выходы к Тихому и Северному Ледовитому океанам. Через два года возникло Управление строительства Байкало-Амурской магистрали. В 1937 г. работы по ее проектированию были возложены на БАМтранспроект Народного комиссариата путей сообщения СССР. К началу 40-х годов он закончил техническое проектирование для участков Тайшет – Братск, Усть-Кут – Нижнеангарск, Тында – Зея, Ургал – Комсомольск-на-Амуре – Советская гавань. К первой очереди были отнесены участки Тайшет – Лена и Тында – Советская га-

вань. На них начались строительные работы, которые прервало нападение Германии на СССР.

После победы над Германией возобновились строительные работы на западном участке БАМа Тайшет – Братск. Осенью 1947 г. первый поезд пришел на Ангару, в Братск, а затем на Лену, в Усть-Кут. Новая железная дорога открыла путь к богатейшим природным ресурсам Приангарья и верховьев Лены, что способствовало их активному вовлечению в народнохозяйственный оборот. Сооружение же центрального участка БАМа было отложено по причине его большой протяженности, слабой изученности трассы, недостатка финансовых и технических возможностей.

В 60-е годы в связи с возрастающим потоком внутренних и внешних грузоперевозок по Транссибу, его большой перегруженностью, необходимостью использования природных ресурсов северных районов вновь со всей остротой встал вопрос о второй широтной магистрали в Сибири и на Дальнем Востоке. После специальных исследований был сделан вывод о необходимости возобновления строительства Байкало-Амурской магистрали. В июле 1974 г. было принято решение правительства по этому поводу, которое одобрило направление трассы от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре через Нижнеангарск, Тынду, Ургал, т.е. предстояло связать западный и восточный участки в единую магистраль⁸¹.

Сообщение о строительстве Байкало-Амурской магистрали взбудоражило общественное мнение. Советские газеты писали о “дороге сквозь столетия”, “материке будущего”, “трассе мужества”, “дороге в завтра”, “стройке века”. Западная пресса шумела об ответе на “вызов Мао Цзэдуна”, создании “магистрали стратегического назначения”, “бесполезной дороге”, “дороге в никуда” и т.д. При более спокойном взгляде на события выясняется, что и с той, и с другой стороны подбирались слишком сильные эпитеты, которые сами по себе не могли ни повысить, ни принизить значение дороги. Что касается маоцзэдунского “вызова”, то он явно запоздал, поскольку идея БАМа восходит к XIX в., а начало ее осуществления – к 30-м годам XX в., когда мир еще не знал его имя. Стратегическое назначение магистрали можно выводить уже из того, что она выходит к Тихому океану, который еще 100 лет назад А. Герцен назвал “Средиземным морем будущего”

Теперь относительно полезности или бесполезности дороги. Известный канадский исследователь Севера Р. Норт определяет ее, как необычное явление среди советских железных дорог в том смысле, что она была построена прежде, чем в ней возникла потребность в том регионе, где она проходит. Ничего необычного в этом нет, если вдуматься в исторический опыт освоения Сибири. Транссибирская магистраль в начале века производила аналогичное впечатление, но потом ни у кого не вызывала сомнения ее огромная роль в развитии производительных сил региона, поскольку Транссиб на-

кануне распада СССР осуществлял почти 40% грузооборота железных дорог страны. В районах, тяготеющих к нему, проживало около 1/4 населения государства. В середине века построена железная дорога Тайшет – Лена, которая открыла путь к овладению уникальными природными ресурсами Приангарья за счет создания широко известного в мире Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса.

Торговля

Важным фактором экономического развития Азиатской России была торговля, особенно внешняя, которая играла крупную роль в геополитической и цивилизационной динамике. В условиях промышленного освоения края доминировала меновая торговля. Из Азиатской России вывозилась преимущественно пушнина, а ввозились хлеб и оружие. В период аграрного освоения стали активно вывозиться сельскохозяйственные продукты, а ввозиться изделия фабрично-заводской промышленности. Торговля занимала одно из первых мест в экономической жизни региона, а торговый капитал значительно превосходил сельскохозяйственный и промышленный.

С переходом к индустриальному освоению, углублением модернизационных процессов, совершенствованием путей сообщения, особенно со строительством железных дорог, развитием рыночных механизмов, торговля приобретала катализирующее значение для экономики региона. На центрально-русский и мировой рынки пошли уральские медь, железо, платина, драгоценные и полудрагоценные камни; сибирские серебро, золото, хлеб, масло, мясо, кожи; дальневосточные золото и морепродукты, другие редкие и ценные товары. Из центра страны и из-за рубежа поступали наряду с предметами первой необходимости машины и оборудование для местной промышленности и сельского хозяйства.

Особое значение имела ярмарочная торговля. На Урале с 1863 по 1896 г. число ярмарок увеличилось с 359 до 2267, а их обороты по привозу возросли с 72 до 94 млн руб. В Сибири в конце XIX в. было свыше 600 ярмарок с торговым оборотом 32 млн руб.⁸³ Совокупность оборотов торговых предприятий Урала на рубеже XIX и XX вв. превосходила обороты его промышленности, а в Сибири и на Дальнем Востоке роль торгового капитала была еще выше. Сколотив крупные капиталы, торговая буржуазия охотно вкладывала их в развитие фабрично-заводских предприятий и даже в приобретение целых горнозаводских округов. В судостроение и организацию пароходных сообщений вложили свои капиталы пермские купцы братья Каменские и И.И. Любимов. М.И. Любимов построил вблизи с. Березняки Соликамского уезда первый в России содовый завод, а в 1887 г. совместно с бельгийцем Сольвэ, французом Лутрелем, нем-

цем Вогау, англичанином Торнтоном основал акционерную компанию "Любимов, Сольвэ и К^о" с капиталом в 6 млн руб.⁸⁴

Укреплялись контакты Азиатской России с мировым рынком, накапливался капитал за счет внешней торговли. Связи с внешним рынком стимулировали укрепление технико-экономической базы хозяйства. Во внешней торговле доминировали экспорт масла, зерна, сельскохозяйственного сырья, импорт сельскохозяйственных машин, оборудования. Заготовками сельскохозяйственного сырья и мясoproдуктов занимались "Международная компания жатвенных машин в России" (объединяющая американские заводы "Дарнинга", "Мак-Кормика", "Осборн", "Мальвоки" и другие), акционерное общество "Р. и Т. Эльвортн", товарищество "М. Гельферих-Сиде" и др. Иностранные фирмы вложили в организацию импорта сельхозмашин на Урал около 25 млн руб.⁸⁵ Иностранный капитал участвовал в финансировании почти 85% внешнего торгового оборота региона в предшествующий Первой мировой войне период. Он в первую очередь преследовал цели развития горнодобывающей промышленности.

В предвоенное пятилетие Урал ежегодно давал на мировой рынок продукции на 60,4 млн руб. Потребителями уральского экспорта были практически все страны Европы, США и Канада. Он окупал поставки европейского оборудования для уральской промышленности. На восточный рынок – в Китай, Монголию, Афганистан, Персию отправлялись в основном продукты обрабатывающей промышленности. В 1909–1914 гг. Восток поглощал русских товаров на 68 млн. руб. в год, причем доля Урала составляла 25% (спросом пользовались прежде всего металлические изделия). В целом в довоенные годы на товары промышленного производства в уральском вывозе приходилось 23,4%, на сельскохозяйственные – 76,6%⁸⁶.

Оборот внешней торговли Сибири в 1910 г. превышал 300 млн руб. Наибольшее значение имела торговля вдоль юго-восточных границ. Экспорт сибирских товаров в этом направлении составлял 2–3% от общероссийского вывоза, а ввоз – 14–15 % общероссийского ввоза. Основной товарооборот шел через порты Тихого океана. Из Китая морским и сухопутным путями поступало огромное количество чая, который расходился по всей Сибири, достигая Урала. В 1900 г. через него проследовало свыше 1,5 тыс. пудов. Стоимость китайского чая, ежегодно поступающего в Россию, оценивалась в 18 млн руб. В Китай из Сибири вывозились хлеб, соль, железо и изделия из него, уголь, лесоматериалы, мануфактура и прочие товары – 5,3 млн пудов, или 19% всего российского экспорта в Северный Китай.

Перед Первой мировой войной из Сибири в общей сложности вывозилось 62,5 млн пудов хлеба, 4,8 млн пудов сливочного масла, 3,8 млн пудов мяса. Особое значение имел экспорт масла. В 1913 г. за границу его было вывезено на 68,4 млн руб., что в два раза превышало стоимость добываемого в Сибири золота. Между прочим в

строительство западносибирского участка Транссибирской магистрали вместе с мостами и железнодорожными вокзалами было вложено только 50 млн руб. На долю сибирского масла приходилось 85% российского экспорта этого ценного продукта. Вся стоимость валовой продукции полеводства и животноводства Сибири в 1910 г. оценивалась в 300 млн руб., в то время как промышленность (включая кустарную) давала только 90 млн руб.⁸⁷, что лишний раз подчеркивает преимущественно аграрный характер сибирской экономики.

Таким образом, внешняя торговля Азиатской России показывает ее значимость для государства, пополнения его валютных резервов. Она демонстрирует широкие международные связи региона, с одной стороны, с европейской индустриальной цивилизацией, а с другой – с традиционной экономикой Востока. Именно через торговлю наиболее рельефно просматриваются междивизиационные контакты региона.

Коренная перемена в торговле Азиатской России произошла в первой трети XX в. в связи с революционными потрясениями в стране. По сравнению с периодом раннеиндустриальной модернизации деформировались условия международного сотрудничества. С одной стороны, Советская Россия отгородилась от мира, а с другой – вынуждена была обратиться к его новейшим технологиям с целью проведения своей индустриализации, что наложило заметный отпечаток на внешнеторговый баланс, в котором доминировал рост экспорта сырья для оплаты необходимого оборудования. Типичным примером в этом отношении был Урал. Если до Первой мировой войны удельный вес Урала (в границах Уральской области) в общероссийском экспорте составлял 5%, то в 1922–1923 гг. он поднялся до 10%. Вывозились асбест, магнезит и другое минеральное сырье, а также продукты сельского хозяйства. Удельный вес Сибири в союзном экспорте устойчиво держался на уровне 10–12%⁸⁸.

В 1922–1924 гг. для восстановления предприятий крупной промышленности уральского региона ежегодно инвестировалось около 7 млн золотых руб. Импорт техники и оборудования составлял 10% этой суммы (2 млн золотых руб.). К 1925–1926 гг. он поднялся до 14,9 млн руб. Завозилось заводское и горное оборудование для металлургической, горной, лесной, текстильной, химической промышленности, электротехнические товары, инструмент и т.д. Во второй половине 1920-х годов ввоз оборудования для промышленности составлял 42,9% от всего импорта. За ним шли полуфабрикаты для промышленности – 31,8%. Остальные товары занимали минимальный объем: для здравоохранения – 1,2%, потребительские товары – 1%, для нужд просвещения 0,7%⁸⁹. Впечатляют масштабы импортных поставок. Челябинский тракторный завод, к примеру, получил оборудования в комплекте на сумму 32 млн руб. от 367 иностранных фирм. В результате к 1938 г. он стал выпускать до 40% тракторов, производимых в США.

Массовый ввоз оборудования для хозяйства Урала продолжался до середины 1930-х годов. В 1932 и 1934 г. в совокупном импорте на машины и технику приходилось 72,2 и 77,9%. С 1918 по 1934 г. общесоюзный импорт составил 8,4 млрд руб., из них на закупку средств производства ушло 7 млрд руб. На удовлетворение нужд Урала из этой суммы затрачено 11,2%, а на закупку оборудования – 23%. Только на предприятиях металлургического комплекса было установлено оборудование, вывезенное из США, Германии, Англии на сумму 50 млн руб. Сырьевой характер уральского экспорта (96%) и промышленный характер импорта (89%) оборачивались огромными издержками из-за неэквивалентного обмена промышленных товаров на сырье⁹⁰.

После Второй мировой войны крупное промышленное строительство и инвестиционная активность сместились в Сибирь. За счет интенсивного развития сырьевых отраслей резко возросла продажа природных ресурсов за рубеж. Она превратилась в основного поставщика валютных резервов государства. На этой основе внешняя торговля приобрела колоссальный размах. В 1959–1963 гг. доля Сибири и дальнего Востока в совокупном экспорте РСФСР составила 17%. Большая часть средств направлялась на закупки импортного оборудования и новых технологий. В 1968–1972 гг. СССР закупил для осуществления сибирских проектов машины и оборудования, “ноу-хау” на 6,7 млрд. долл., а в 1979 г. – уже на 12,3 млрд долл. В 1975–1980 гг. для строительства БАМа было закуплено около 10 тыс. грузовиков западногерманской фирмы “Магирус-Дойч”, 166 экскаваторов “Като”, 199 бульдозеров “Камацу”, 250 бульдозеров и тракторов фирмы “Катерпиллер” и 190 180-тонных самосвалов канадского производства⁹¹.

В экспорте доминировал вывоз сырья, главным образом энергоносителей, который приносил государству три четверти доходов в конвертируемой валюте. В 1961–1965 гг. объем сырьевого экспорта из Сибири составлял 26,1 млрд руб., а в 1971–1975 гг. он вырос до 67,8 млрд руб. За 1980–1986 гг. среднегодовые темпы роста экспортных поставок из Сибири и Дальнего Востока превышали 10%. Удельный вес Западной Сибири в национальном экспорте химической продукции составлял 27%, алюминия – 25%, тогда как в совокупном экспорте машиностроительной продукции, только 4%. Одна Тюменская область поставила за рубеж нефти и газа только в 1986 г. на 8–10 млрд руб. Если в 1930-е годы экспорт из Сибири и дальнего Востока состоял преимущественно из продовольствия и сельскохозяйственного сырья, то в 60–80-е годы подавляющая часть товаров приходилась на промышленные сырье и полуфабрикаты⁹².

Такая структура торговли способствовала развитию производительных сил Азиатской России, спасала советскую экономику от тяжелых потрясений, но сдерживала технологический прогресс в стране и мало что давала для населения региона.

На основе бурного развития промышленности, транспорта, высокой инвестиционной активности государства произошли существенные изменения в экономике и социальной структуре, образе жизни населения Азиатской России, которые свидетельствовали о значительных шагах на пути завершения модернизации. К середине 80-х годов удельный вес промышленности в Уральском экономическом районе составил 75% валового общественного продукта региона, тогда как в целом по СССР только 59,7%, соответственно доля сельского хозяйства равнялась 7,6 и 16,3%⁹³. Уже к середине XX века 57,9% населения региона проживало в городах и рабочих поселках городского типа, в то время как в России – 52,0%⁹⁴.

Особо высокие темпы урбанизации отмечались во вновь осваиваемых районах Сибири, где модернизационные критерии закладывались изначально. На территории Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса удельный вес городского населения с 1955 по 1980 г. поднялся с 18 до 82%, тогда как в СССР он составлял 62%. В городах и поселках Тюменской области проживало около 75% населения, а там, где непосредственно добывались нефть и газ, например в Ханты-Мансийском округе, – 85%⁹⁵.

Формирование городских поселений за Уралом заметно опережало среднероссийские темпы этого процесса. С 1959 по 1974 г. в России было образовано 118 городов и 636 поселков городского типа, из них в Азиатской России – соответственно 25 и 181, т.е. каждый пятый город и каждый третий городской поселок возникали в восточных районах⁹⁶.

В итоге из 230 ныне существующих городов Сибири и Дальнего Востока 182 города (почти 80%) возникли или получили городской статус в XX в. Даже в 1992–2000 гг., когда в стране резко замедлился процесс образования новых городов, в восточных районах появилось еще 12 городов, в частности Югорск, Советский, Лянтор (Ханты-Мансийской округ), Губкинский (Ямало-Ненецкий округ), Нюрба, Покровск (Якутия)⁹⁷.

В крупных городах Азиатской России сконцентрировался мощный интеллектуальный потенциал, особенно в специальных наукоградах, типа Новосибирского академгородка и закрытых городов атомного комплекса. Только в Сибирском отделении РАН в конце XX в. работало свыше 10 тыс. научных сотрудников, в том числе более 50 академиков и свыше 60 членов-корреспондентов. Здесь были получены уникальные научные результаты, подготовлены тысячи высококлассных специалистов в различных областях науки и техники, гуманитарного образования, которые обеспечивали не только высокие темпы модернизации, но и готовили базу для постиндустриального общества.

Жить и работать в Азиатской России, особенно в Сибири, было выгодно и престижно. В результате численность ее населения вме-

сте с Дальним Востоком за годы советской власти увеличилась втрое. Население росло не только за счет активной внешней миграции, но и на основе естественного прироста, в том числе коренных малочисленных народов. Численность ненцев и нанайцев к 1970 г. по сравнению с 1926 г. выросла почти в два раза, а продолжительность жизни увеличилась на 15 лет. Конечно, путь модернизационного перехода не был усыпан розами. Десятки тысяч людей потеряли здоровье и жизнь в суровых условиях пионерного освоения, тем более, что на начальных этапах оно часто базировалось на принудительном труде. И тем не менее советская модель освоения Азиатской России, не имеющая аналогов в мире, дала существенные результаты не только для нашей страны, но и для мировой индустриальной цивилизации в целом.

Тенденции экономического развития в условиях распада СССР

Кризис советской системы, распад СССР и последовавшие за этим либеральные реформы нанесли тяжелый урон экономике Азиатской России, затормозили ее индустриальное освоение, деформировали модернизационный процесс, хотя она по-прежнему оставалась донором европейской части страны, особенно Урал и Сибирь, спасая Отечество в очередной критической ситуации. Попробуем кратко охарактеризовать причины и следствия этого процесса для региона.

Кризис, который переживала советская системы, не мог не коснуться его. Более того именно Азиатская Россия с ее богатейшими природными ресурсами и огромным экономическим потенциалом по крайней мере на десяток лет отодвинула финал этого кризиса. Многомиллионная экспортная выручка от поставок ее продукции за рубеж компенсировала слабую эффективность советской экономики и обеспечивала нужды как производственной, так и социально-бытовой сферы, тем самым отдаляла не только экономический, но и социально-политический крах системы.

Только за 10 лет (1974–1984) экспорт (главным образом сибирской нефти и продуктов ее переработки) дал стране около 200 млрд инвалютных руб. За алмазы, преимущественно якутского происхождения, СССР ежегодно получал на мировом рынке от 500 млн до 1 млрд долл. Огромный доход приносила платина, на $\frac{3}{4}$ получаемая Норильским горно-металлургическим комбинатом в Эвенкии. Продажа золота за рубеж, на $\frac{2}{3}$ добываемого в Якутии, давала в среднем 3–4 млрд долл. в год⁹⁸.

Безоглядное выкачивание природных ресурсов востока, вкладывание выручки от них прежде всего в военный комплекс, вопиющий перекос между производством и потреблением, недооценка жизнен-

ных проблем населения привели к обострению экономической и социально-политической, экологической ситуации, прежде всего в старопромышленных регионах, где быстрее исчерпывались запасы полезных ископаемых, изнашивались производственные фонды, убывала рабочая сила, деградировала природа.

На Урале было сосредоточено 22% предприятий военно-промышленного комплекса России. В начале 1990-х годов на этих предприятиях было занято 45% промышленно-производственного персонала и находилось почти 42% основного промышленно-производственного фонда региона. Они выпускали более 36% объема его товарной продукции. Крупные масштабы военного производства на Урале, с одной стороны, до определенного времени стимулировали развитие его производительных сил, формирование большой армии высококлассных специалистов, а с другой, привели к значительному исчерпанию его природных ресурсов, чрезмерному ухудшению экологической ситуации, уродливому деформированию структуры экономики и занятости населения, что привело к крайнему обострению социально-экономических проблем, особенно в условиях сокращения оборонных заказов и неудачной конверсии.

Стратегия формирования тяжелой промышленности и ее преимущественно военное предназначение привели к однобокому развитию экономики, которая, удовлетворяя интересы центра, с каждым годом все больше отрывалась от нужд самого Урала и тем самым закладывала мину замедленного действия. Она сработала в условиях кризиса советской системы, а детонатором стали рыночные реформы.

В 1987 г. в структуре валового общественного продукта Уральского экономического региона на долю промышленности приходилось 73,6%, в то время как в Российской Федерации только 62%. Все другие виды деятельности по отношению к ней носили подчиненный характер. Такая структура экономики ориентировалась на длительный производственный цикл и удовлетворение крупных инвестиционных потребностей, что пришло в противоречие с реалиями советской экономики 80-х годов и привело к инфляционному взрыву начала 90-х, поставило регион в значительно более сложное положение, чем Россию в целом. Если в Российской Федерации в 1991 г. удельный вес средств производства (группа "А") в общем объеме промышленности составлял 69,8%, а производство предметов потребления (группа "Б") – 30,8%, то в Свердловской области на долю отраслей "А" приходилось 85,9, в Челябинской – 86,0, Пермской – 80,3%. Удельный вес отраслей группы "Б" составил соответственно 14,1; 13,4; 19,7%.

В свою очередь, лидирующие на стадии технологического прогресса в начале XX в. главные отрасли специализации Урала к концу века оказались в числе структурно устаревших и экологически

“грязных” производств. Негативно сказалось на работе промышленности ухудшение горно-геологических условий добычи сырья, снижение его качества. Обеспеченность предприятий Свердловской области железной рудой снизилась до 30%, медным колчеданом – до 40, никель-кобальтовыми рудами – до 30–40%, не говоря уже об острой нехватке местных энергоресурсов. Труднейшую проблему для хозяйства Урала представляла повышенная изношенность оборудования. Износ основных фондов промышленности составил 51%. Велика доля рабочих, занятых тяжелым физическим, немеханизированным трудом во вредных условиях. В металлургии она составляла свыше 70%.

По масштабам воздействия на окружающую среду, уровню ее загрязненности Уральский регион вышел на второе место в стране, а по выбросу вредных веществ в атмосферу на единицу площади на первое место. Из 31,8 млн т вредных веществ, выброшенных в 1991 г. в атмосферу промышленными предприятиями страны, на долю Урала пришлось 7,5 млн т, т.е. 23,7%. В крупных центрах черной металлургии (Магнитогорск, Нижний Тагил) общая заболеваемость населения почти на 40% выше, чем в относительно “чистых” городах⁹⁹.

Депрессивную ситуацию не смогли переломить либеральные реформы, хуже того, они привели фактически к демодернизации региона. Снижение объема промышленного производства в Свердловской области к 2002 г. по сравнению с 1991 составило 55,4%, на 5,7% больше, чем в среднем по Российской Федерации. В связи с упадком отечественного машиностроения, несмотря на переориентацию на зарубежные рынки, резко снизился спрос на уральский металл. В результате мощности заводов Свердловской области оказались загруженными лишь на 60–70 %, а в некоторых отраслях, таких, как трубная, огнеупорная, – только на 30%. В связи с этим в 1998 г. по сравнению с 1991 на 40–50% снизился выпуск практически всех видов металлургической промышленности – основного звена уральской индустрии¹⁰⁰.

В Сибири ситуация складывалась более благоприятно. В 80-е годы произведенный ею национальный продукт примерно на 18 млрд руб. превышал используемый. В 1984 г. здесь было добыто 62% всей нефти СССР и 54% природного газа. Она обеспечивала все возрасставшую часть прироста общесоюзных потребностей, а затем не только весь прирост, но и компенсацию снижения добычи нефти и газа в других районах страны. Нефтегазовая промышленность играла главную роль в достижении опережающего роста всего промышленного производства региона и обеспечивала его относительное благополучие. Крупная роль принадлежала электроэнергетике. В 70-е годы ежегодный прирост выработки электроэнергии составлял 7,4 млрд кВт·ч, в 1981–1983 гг. он увеличился до 9,9 млрд кВт·ч¹⁰¹. Все это имело принципиальное значение для экономики государст-

ва, поскольку $\frac{3}{4}$ потребностей в топливе и энергии концентрировалось в европейской части страны, а столько же энергоресурсов сосредоточено в Азиатской России. Именно она питала энергией основные производственные мощности и бытовые потребности населения СССР, не говоря о других ресурсах, которые поступали с ее территории.

При всех усилиях экономики Сибири она так же, как и вся страна, была отягощена кризисными явлениями, вопиющими противоречиями, социальными коллизиями. В 1986 г. доля продукции добывающих отраслей была в 3 раза выше, чем по стране в целом, что свидетельствовало о не лучшей структуре ее экономики. Темпы роста других отраслей промышленности, кроме нефтегазовой, постепенно снижались и сближались со среднесоюзными, тогда как все плановые задания предусматривали их превышение с целью получения экономического эффекта за счет более дешевых сибирских ресурсов. Возник острый дефицит электрической энергии, что парадоксально при наличии здесь $\frac{3}{4}$ потенциальных энергетических ресурсов страны и высокий темпах ввода энергетических мощностей.

Около 70% продукции машиностроения вывозилось за пределы региона, в то же время $\frac{3}{4}$ необходимого на месте оборудования удовлетворялось за счет ввоза. Мало производилось техники, приспособленной для работы в условиях сибирского Севера. По многим важнейшим продуктам переработки добываемого в регионе сырья удельный вес Сибири в общесоюзном производстве не рос, а снижался. С 1965 по 1982 г. доля Сибири в производстве минеральных удобрений уменьшилась с 5,9% до 2,1%, в производстве пластмасс и синтетических смол – с 16,4 до 10,7, химического волокна с – 17,8 до 11,5, бумаги – с 3,0 до 1,9%¹⁰².

Обострились социальные проблемы. С каждым годом падал уровень обеспеченности населения социально-бытовыми условиями. Если в 1970 г. на территории Западносибирского нефтегазового комплекса соотношение удельного веса производства средств производства и производства предметов потребления было 75,7 и 24,3%, то в 1989 г. оно стало 92,2 и 7,8%¹⁰³. Из-за тяжелых природно-климатических и материально-бытовых условий проживания в Сибири люди покидали ее. В 70–80-х годах отсюда уехало более 6 млн человек, т.е. около 30% населения¹⁰⁴.

Распад СССР и либеральные реформы 90-х годов кардинально изменили ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке, причем не в лучшую сторону. Стремительное падение политической роли России (как правопреемницы СССР) привело к вытеснению многих сибирских и дальневосточных производителей с мировых рынков, в частности стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где ранее спрос на российские товары был относительно высоким. С распадом СЭВ произошло резкое падение экспорта сибир-

ских товаров в страны, которые он ранее объединял, и сокращение экспорта из них продукции, необходимой сибирякам и дальневосточникам.

Еще больший урон нанесло разрушение производственно-технических связей с бывшими союзными республиками, ставшими самостоятельными государствами, и единого народно-хозяйственного комплекса страны. Печальным примером может служить разрыв объединенной энергетической системы Сибири на Казахстанском участке, что почти полностью отрезало ее от Европейской России¹⁰⁵.

Самый тяжелый удар экономика Азиатской России испытала из-за резкого ограничения или полного прекращения государственного финансирования многих важных хозяйствующих субъектов, что привело к консервации крупных строек и даже пусковых объектов. Осталась недостроенной ЛЭП-500 (Иркутск–Бурятия–Чита и далее), что поставило электроснабжение Дальнего Востока в очень трудное положение. В первые годы реформы реальный объем капиталовложений в Сибири сократился в 4 раза и стал в 2,5 раза меньше, чем необходимо для простого воспроизводства основных производственных фондов, что привело к их “проеданию”, т.е. они перешли в стадию разрушения¹⁰⁶.

Последствия либеральных реформ в Азиатской России проявились особенно рельефно. С одной стороны, максимально востребованной оказалась продукция уникальных предприятий топливно-энергетического и металлургического комплексов. Они были приватизированы в первую очередь и сумели быстро адаптироваться к рыночным условиям. С другой, традиционные отрасли промышленности, такие, как лесная, целлюлозно-бумажная, угольная, а также социально-бытовая сфера попали в крайне тяжелое положение. Очень негативную роль сыграло резкое повышение тарифов на теплоэнергоснабжение и транспортные услуги.

Особо необходимо подчеркнуть критическое состояние муниципальной сферы. Дело в том, что до реформ в силу специфики сибирско-дальневосточных предприятий они имели на своем балансе большой жилищный фонд, где проживали более 10 млн человек, ведомственные детские сады и ясли посещали свыше 1 млн детей, около 12 млн пользовались ведомственными больницами и поликлиниками¹⁰⁷. Теперь почти все это перешло в муниципальный фонд без существенного увеличения затрат на обслуживание со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями.

Однако специализация промышленности значительной части сибирских и дальневосточных регионов на добыче и переработке природных ресурсов способствовала тому, что спад производства в них был менее значительным, чем по стране. В Западной Сибири оно сократилось менее чем наполовину, в Восточной Сибири этот

индекс составил 49%¹⁰⁸. И тем не менее приходится констатировать практически половинное сокращение индустриального производства, т.е. демодернизацию региона.

Либеральные реформы тяжело отразились на социальной ситуации в Азиатской России. Если в самом депрессивном регионе европейской части страны реальные денежные доходы населения с 1991 по 1998 г. снизились в 17 раз, то в Чукотском автономном округе почти в 50 раз, в Корякском автономном округе, на Сахалине и Камчатке – в 25 раз. В последующем, в связи с некоторым оздоровлением общеэкономической ситуации в отдельных восточных регионах, положение несколько улучшилось, но в ряде из них продолжалось снижение реальных доходов. В Чукотском автономном округе они сократились еще на 35%, в Магаданской, Омской и Камчатской областях – на 20% и более¹⁰⁹.

Десятилетие реформы и кризиса оказало сильное воздействие на демографическую ситуацию и систему расселения в Сибири и на Дальнем Востоке. Если численность населения России за 1990–2000 гг. сократилась на 1,4%, то в азиатской ее части на 3,4%, при этом на Дальнем Востоке – на 10,6, в Восточной Сибири – на 2,5%. Наибольшие потери зафиксированы в Чукотском автономном округе – 53,9, в Магаданской области – 39,2, в Камчатской области – 18,5, в Сахалинской области – 16,1, Таймырский и Эвенкийские автономные округа потеряли соответственно 22% и 28% населения¹¹⁰.

Несмотря на тяжелое экономическое и социальное положение, сложившееся в ходе перестройки и рыночных реформ на территории Азиатской России, она продолжала играть роль донора страны и смягчала сотрясающие ее удары системного кризиса. Сибирь ныне дает $\frac{3}{4}$ всех производимых в России энергоресурсов: 67% нефти, 92 – газа, 64 – угля, 30 – электроэнергии и 19% тепловой энергии. Она остается главной топливно-энергетической базой страны и играет решающую роль в топливно- и энергоснабжении многих регионов государства. Сибирь обеспечивает свыше 50% экспорта России, в том числе более 70% экспорта нефти, 99% газа, свыше 60% угля. А весь российский экспорт нефти и газа превышает 26 млрд долл.¹¹¹ Из этих цифр вытекает однозначный вывод о том, что Сибирь в очередной раз спасает Отечество в труднейшей социально-экономической ситуации.

Подводя итоги многовекового опыта хозяйственного освоения Азиатской России, можно сделать вывод, что оно прошло основные этапы цивилизационного развития от традиционного до постиндустриального общества. На этом пути имелись достижения как национальной, так и геополитической важности. Особо значим вклад в мировую индустриальную цивилизацию. Вместе с тем рассматриваемый процесс был очень сложен и противоречив, неравномерен во времени и пространстве, излишне затратным экономически и

ущербным социально. В конечном же счете он сыграл важную роль в судьбе страны, особенно на крупных поворотах ее истории. Азиатская Россия обеспечила мощный геостратегический запас прочности Отечеству и неисчерпаемую ресурсную базу для роста национальной экономики.

2. ВЛИЯНИЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Территориальный рост на восток, бурно происходивший с конца XVI в., играл немаловажную, в некоторых отношениях решающую, роль в экономическом, политическом и культурном развитии России, оказывая существенное воздействие на формирование российской модели государственности. В сочетании экономической политики русского правительства, находившейся под влиянием распространявшейся в Западной Европе идеологии и практики меркантилизма, и русской территориальной экспансии, с определенного времени превратившейся в доминанту государственного строительства, во многом следует искать специфику (с присущими ей резонансными “всплесками” и расходящимися траекториями) российского опыта модернизации.

Истоки начальной фазы модернизации России – втягивание страны в международные экономические связи – следует прежде всего связывать с растущим спросом на сибирскую пушнину на рынках Запада и Востока, что дает мощный толчок сначала землепроходческой активности предприимчивых феодалов, купцов и промышленников, а затем и самого государства. Вступление его в прибыльное дело эксплуатации сибирских ресурсов с конца XVI в. дало, по словам С.В. Бахрушина, “новый оборот” всей политике захвата зауральских земель¹¹². Советская историография, на наш взгляд, слишком радикально в свое время подвергла критике концепцию так называемого торгового капитализма, подчеркивая исключительно феодальный характер эксплуатации государством русского и “иностранного” населения Сибири. Конечно, было бы преувеличением признавать наличие в России того времени развитых элементов “торгового капитала” как социальной силы, противоположной феодальному государству и дающей толчок развитию буржуазных отношений. Однако необходимо учесть, что доходы, получаемые Русским государством от торговли сибирской пушшиной, будучи его своеобразным “валютным резервом”, расходовались не только для удовлетворения потребностей господствующего класса, но и для проведения в жизнь широкой программы общегосударственных мероприятий, включая военное строительство и осуществление внешней политики. На эту сторону сибирской пушной торговли особо

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При рассмотрении исторического развития Азиатской России анализ ее основной проблематики в категориях геополитики и цивилизационной теории является в высшей степени продуктивным, поскольку анализ этот касается коренных предпосылок и условий национально-государственного развития России. Исторически это обусловлено прежде всего огромным – и все более нарастающим по мере расширения государственной территории России – значением пространственно-географических зависимостей в определении динамики экономического, социального, политического и духовно-культурного развития страны. При этом в отличие от государств Запада, чье самоопределение в качестве геополитических “центров силы” принимало форму строительства обширных заморских империй, в истории России доминирующим фактом геополитики является географическая связность национально-государственной территории, отсутствие глубоких, четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колонией. Поэтому для России геополитика исторически служила не только средством укрепления ее мировых позиций, но и – что самое главное – способом национального бытия. Если для государств Запада имперская фаза развития осмысливается в русле формирования фундирующих внешнюю политику геополитических “ансамблей”, то в России имперская система воспроизводила сам национально-государственный организм. Даже при гипотетическом обсуждении возможных альтернатив развития России невозможно отвлечься от фундаментального факта целостности и качественной определенности ее территории. Невозможно обсуждать вопрос о том, чем могла бы быть Россия, если бы ее национально-государственная территория замыкалась Уральскими горами, поскольку исторический путь России, как и сама возможность ее государственного существования, ее влияние на мировые процессы, неразрывно связаны с ее выходом на просторы Азии, с ее продолжением в Азии, достигающим берегов Тихого океана.

Формирующаяся с конца XVI в. Азиатская Россия неизменно обеспечивала ту сумму условий, которая позволяла Российскому го-

сударству укреплять свою экономику и государственность, свои позиции в международной торговле и политике не только на самом Азиатском континенте, но и в Европе. Не остается сомнений, что именно освоение азиатских территорий позволило Московской Руси в XVI–XVII вв. не оказаться вытесненной на периферию исторического развития, более того, приобрести такой мощный резерв развития, как включение в систему торговых взаимодействий между Западом и Востоком – систему, которая в универсальном мировом измерении по праву считается важнейшим импульсом модернизации. Созданные на Урале и в Сибири очаги развития горно-металлургической промышленности позволили осуществить петровскую модернизацию и обеспечить победу в Северной войне, фундаментально изменившей европейские позиции России. Самое существенное, пожалуй, состоит в том, что движение России в Азию не может рассматриваться ни как цепь произвольных решений, ни как стихийное “расползание” национальной территории: геополитический анализ ранних этапов русской колонизации Урала, Сибири и Дальнего Востока ясно показывает, что имела место довольно серьезная конкуренция между различными геополитическими “центрами силы” за обладание таким внушительным территориально-экономическим ресурсом, каким являлась на рубеже нового времени Северная Азия.

Важность геополитического осмысления истории Азиатской России определяется также тем, что само историческое существование России как государства демонстрировало на всех этапах фактическое слияние задач хозяйственного развития с задачами обеспечения стратегической обороны. Ресурсные источники и импульсы экономической модернизации, которые обеспечивали России движение в Азию, невозможно анализировать в отрыве от стремления открытой со всех сторон света страны к достижению геополитически безопасных рубежей. Значительные сегменты развертывания и продолжения русской экспансии в Азии в XVIII–XIX вв. следует рассматривать сквозь призму этих закономерностей. Достижение геополитического оптимума территории становилось в этом случае условием и гарантией стабильности социально-экономического развития, хотя его поддержание накладывало и ощутимое бремя на экономику страны. Именно на это “равновесие” факторов экономики и геополитики необходимо, как нам думается, опираться при оценке исторических достижений и просчетов России на всех этапах ее развития, а также при характеристике специфики русского “фронта” в Азии, который базировался не столько на уничтожении или вытеснении иноэтничных хозяйственно-культурных комплексов, сколько на их интеграции в экономику страны в соответствии с единым административно-политическим проектом.

На рубеже XIX–XX вв., в рамках так называемой второй глобализации, геополитическое измерение истории Азиатской России фокусируется на проблеме размещения производительных

сил – проблеме, критически определяющей как динамизм и устойчивость развития внутреннего рынка, так и оборонительные возможности страны в эпоху начинающихся мировых войн. С этого времени отчетливо прослеживается взаимозависимость между укреплением геополитических позиций Российского государства на мировой арене и формированием его региональной экономической структуры. История XX в. ясно показывает, что Азиатская Россия формирует в этот период не только подлинное ресурсно-экономическое “сердце” страны (факт принципиально значимый для устойчивого, независимого от колебаний мировой конъюнктуры развития экономики!), но и ее военно-стратегический тыл, а наличие последнего в бурном XX в. становится для России главным условием выживания. Как бы это ни ставило под сомнение чисто экономическую детерминацию развития России, но факт остается фактом: геополитические (и оборонные, и внешнеэкономические) задачи в XX в. формировали столь мощные императивы для сбалансированного регионального развития, что по результативности с ними не идет в сравнение никакое ординарное экономическое планирование.

Геополитический анализ истории Азиатской России в XX в. вскрывает и другую существенную особенность развития страны в целом – это страна, имеющая не один, а целых два мощных и протяженных фланга взаимодействия с внешним миром, причем сам этот факт может становиться как бременем, так и громадным преимуществом, с точки зрения перспективного развития. В этом отношении присутствие России на побережье Тихого океана, подключение ресурсов всей Азиатской России для эшелонированного продвижения страны к более тесному взаимодействию с мощным азиатско-тихоокеанским экономическим сообществом становится фундаментальной задачей, которую России необходимо решать для того, чтобы остаться в ряду ведущих мировых держав. Поэтому уроки геополитического развития Азиатской России в XX в. становятся крайне важными, определяющими будущее страны.

Значимым было место Северной Азии в контексте процессов цивилизационной динамики. Восточные регионы России с древнейших времен являлись ареной широких этнокультурных, межкультурных взаимодействий. При этом, несмотря на культурные достижения и рост контактов с более развитыми центрами мировых цивилизаций, Северная Азия длительное время оставалась в известном смысле мировой периферией. С XVI–XVII вв. здесь встречаются и тесно взаимодействуют различные духовные традиции и цивилизационно-культурные векторы: православие, ислам, буддизм, традиционные системы верований, что послужило основой формирования практики межконфессиональных и межкультурных отношений, не всегда складывавшихся нормально, но в то же время не доходивших до состояния религиозных войн.

Славянская колонизация Северной Азии создала цивилизационно-культурную скрепу данной территории, включенной благодаря этому в состав единой восточно-христианской цивилизации и в общеевропейский культурный контекст. При этом контакты славянской цивилизации с азиатскими культурными мирами на ранних этапах ее становления облегчили взаимодействие ее носителей с представителями иных культур и цивилизационных начал в пределах Северной Азии. Освоение славянами восточных земель сопровождалось расширением ареала распространения православия как в результате миграций носителей данной конфессии на новые территории, так и благодаря крещению ряда аборигенных народов. Несмотря на стимулирование властью распространения христианства в XVII–XIX вв. в Северной Азии, имело место расширение ареалов и численности носителей ислама, а также буддизма-ламаизма. Взаимодействие последних с православно-христианским культурным массивом осуществлялось преимущественно в симбиотической форме, способствовавшей сохранению разнообразных культурно-этнических идентичностей. Определенное значение для цивилизационно-культурного развития восточных регионов России, особенно Дальнего Востока, имели контакты с представителями дальневосточной цивилизации – китайцами, корейцами, японцами. Широкие возможности для междоцивилизационных взаимодействий существовали во второй половине XIX – первой трети XX в. (в частности, трудовая миграция в Россию из Китая и Кореи) и вновь приобрели основания в 1990-е годы.

Политика, проводимая центральной властью Российского государства по отношению к нерусским народам восточных регионов на протяжении XVI–XIX вв. отличалась известной терпимостью и гуманностью, была пронизана патерналистскими тенденциями. Стержнем данной политики являлась консервация форм социальной организации, быта и хозяйствования аборигенного населения. Последнее сохраняло собственные соционормативные системы, языки, хозяйственные и бытовые традиции, системы верований, что позволяло нерусским этническим общностям благополучно существовать на исторически занимаемых ими территориях и даже расширять их. Этнонациональная политика государства результировалась в благополучной демографической динамике этнических сообществ, по темпам естественного прироста не уступавших русскому населению. Многоэтничный состав населения Урала, Сибири, Дальнего Востока способствовал этнокультурным контактам, которые обогащали культуры народов, вступающих во взаимодействие, укрепляли возможности их адаптации к условиям не всегда благоприятной природно-климатической среды.

Социалистическая модернизация, сопровождавшаяся насаждением единой для всего общества социалистической идеологии, нанесла серьезный урон социокультурному плюрализму “старой Рос-

сии". Революция 1917 г. способствовала изменению государственной политики в отношении всех народов России, в том числе и народов Сибири. Ориентированная на ускорение развития, приобщение всего общества к своеобразно отобраннным ценностям индустриальной цивилизации, данная политика была связана с систематическим вмешательством в жизнь коренных народов, призванным обеспечить их переход от традиционной культурно-хозяйственной модели к общественному и бытовому устройству индустриального общества. Реализация данной политики имела как положительные, так и отрицательные последствия. Существенно то, что она деформировала культуру народа, способствовала забвению традиционных норм морали, прерывала межпоколенную трансляцию этнической культуры.

При этом необходимо признать, что в определенной степени процессы стирания межнациональных различий, разрушения автохтонных культур носили объективный характер, являлись неизбежными следствиями становления индустриальной культуры. Технический прогресс способствовал нивелированию этнонациональных различий, унификации культур везде – в этом плане Россия, и Азиатская Россия в частности, не являлись исключением. И все же цивилизационно-культурная унификация в период социалистической модернизации не была доведена до конца. Социокультурные и этнонациональные различия в обществе сохранились, традиционная культура многих народов Азиатской России не исчезла полностью, что дает надежды на возможность системного восстановления этого наследия. Современные процессы возрождения духовных традиций православия, ислама, буддизма, других религий, рост цивилизационно-культурного самосознания подкрепляют эти надежды.

Интересные результаты дало проведенное в монографии сравнительное исследование исторического опыта освоения Азиатской России и США, показавшее, в частности, что в обоих случаях задачи колонизации новых территорий определялись стремлением к увеличению национального дохода и решению геополитических задач. Однако английская эмиграция в Америку изначально диктовалась модернизационными процессами – экономическими, политическими, культурными, интенсивно разворачивавшимися в метрополии, а главным стимулом к началу переселения в Америку послужила возможность создать "новый мир" в соответствии с идеалами английского протестантизма. В России лишь со второй половины XIX в. буржуазное развитие стало оказывать заметное влияние на темпы и мотивации переселения за Урал. Азиатская Россия, как и вся Россия, вплоть до XX в. существовала преимущественно в парадигме традиционного общества.

Обстоятельства, способы и результаты колонизации новых территорий России и США коренным образом различались. Если американский "фронт" был подобен череде колонизационных

“воли”, отделенных друг от друга географическими рубежами, то русское продвижение на восток шло непрерывным, относительно мирным и быстрым (хотя и не очень мощным) потоком. Лишь Русская Америка, сформировавшаяся за морским “барьером” как специфический управленческий и социально-экономический феномен, с полным правом может считаться русским восточным “фронтиром”. В отличие от русских, проделавших путь от Урала до Тихого океана менее чем за 70 лет, Соединенные Штаты Америки более полутора веков осваивали узкую 400-километровую прибрежную полосу и лишь в XIX в. стали быстро прирастать крупными фрагментами в результате аграрной колонизации, захватов и покупок территорий.

В то же время сравнение продемонстрировало, что американская территория развивалась много интенсивнее Азиатской России. Русские смогли быстро охватить огромную территорию, поставить на ней опорную сеть острогов, но в силу недостаточности людских и финансовых ресурсов, суровости природно-климатических условий осваивали новый край медленно, запаздывая по сравнению с американцами почти на полвека в создании условий для его интенсивной колонизации и по многим другим показателям развития. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что экономика американских колоний изначально ориентировалась на рыночные отношения. В Сибири же товарные отношения были развиты слабо. Азиатская Россия оставалась мало интегрированной в жизнь европейской части страны, а ее население – немногочисленным.

В отличие от “плавильного котла” США Сибирь заселялась преимущественно единой русской нацией, сохранившей здесь свои национальные черты и оказавшей глубокое и плодотворное влияние на развитие духовной и материальной культуры аборигенов края. В Америке индейцы большей частью были вытеснены со своих земель и практически уничтожены. В основе этого процесса находилось представление об аборигенах как о “диких тварях”, не способных подняться до понимания сущности христианства и не предназначенных к Спасению. В Сибири отношение к коренным народам, несмотря на неизбежные при встрече разных цивилизаций вооруженные столкновения, факты насилия и вероломства, было более гуманным и конструктивным по сравнению с Америкой. Местные жители многое восприняли из русской культуры, оказав, в свою очередь, заметное встречное воздействие. Коренное население Азиатской России не истреблялось целенаправленно, но, напротив, имело высокие темпы прироста. В немалой степени синтез культур в Сибири в отличие от Америки достигался благодаря смешанным бракам русских землепроходцев с женщинами-аборигенками.

Общей чертой и для американского “Дикого Запада”, и для Сибири было ощущение периферийности этих территорий, их глубо-

ких отличий от районов давнего заселения как средоточий власти, промышленного капитала и просвещения. Однако, если естественные в этих условиях автономистские тенденции западных окраин США находили выход в федерализме – образовании штатов с широкими возможностями местного самоуправления, то движение сибирских областников в России подавлялось административным путем как одна из форм недопустимого свободомыслия. Географические факторы – Атлантический океан и природа Североамериканского континента – повлияли на формирование специфики американского общества, стремившегося к самостоятельному, независимому развитию и добивавшегося его. Единство же евразийского континентального пространства и целостность менталитета русских людей, верных Отечеству, вере, традиции, предопределили многовековое государственное единство России.

Несмотря на коренные отличия и в принципах, и в условиях колонизации, сам непосредственный процесс освоения новых территорий в разных странах оказывается во многом похожим, а жизнь в периферийных районах США и России, по сравнению с их историческими центрами, характеризовалась не только трудностями, но и относительно высокими показателями уровня жизни. В обеих странах поселения основывались в ключевых природных и стратегических пунктах, подчиняя себе транспортную систему колонизируемой территории. В России, как и в США, на расширяющейся границе ощущался недостаток правительственного контроля, переселенцы опирались преимущественно на собственные силы. Возникали специфические группы населения, особый хозяйственный уклад, своеобразные правовые отношения, формировался региональный менталитет, многие черты которого у сибирского населения и жителей американского “фронтира” были схожими.

Эмиграция в Америку и дальнейшее расселение прибывавших внутри страны являли собой потоки, состоявшие из миллионов человеческих судеб, индивидуально ответственных за свои решения и рассчитывавших при снятии с места только на собственные силы и поддержку своих семей. Заселение Сибири осуществлялось в значительной степени с помощью государства. Эта “помощь” могла приобретать разные формы: от конвоирования заключенных по этапу до денежных ссуд и организации горячего питания для столыпинских переселенцев, но в любом случае государственное участие в судьбе переселенцев в Азиатскую Россию было несравнимо более значительным, чем в Америке.

За описанием истории приращения американской территории, продвигавшейся подобно волне на запад континента, стоит идея экспансии как смысла, сущности и основного двигателя американской нации. Подвижная граница, плотной волной преобразований прошедшая по землям, исконно принадлежавшим индейцам, и оттеснившая их на бесплодные участки резерваций, имеет мало общего с

процессом медленного, но органичного “врастания” урало-сибирских территорий в политическое “тело” России, в ее хозяйственный организм.

Таким образом, открытие и освоение Сибири превратило не слишком устойчивое Московское государство в мощную, богатую природными ресурсами, многонациональную и мультикультурную Российскую империю. Генезис и динамика колонизации Азиатской России и США имели совершенно разную природу. Тем не менее при всех различиях хода и результатов освоения американского Запада и азиатской части России в XVII–XIX вв. можно утверждать, что именно вследствие приращения данных государств этими территориями США и России в конечном итоге удалось стать могущественными мировыми державами современности.

В качестве значимого критерия “взросления” изучаемых территорий может выступать формирование и развитие региональных структур. Складывание восточных регионов происходило исторически, на протяжении длительного времени. До русского освоения отдельные территории Урала и Сибири входили в состав тех или иных политических образований, преимущественно кочевых, с центрами, нередко располагавшимися за пределами рассматриваемых регионов. Наиболее успешной попыткой интеграции отдельных территорий Северной Азии, вероятно, следует считать опыт монгольской державы Чингисхана и его потомков, сумевших на время установить свой контроль над значительной частью Азиатского континента. (Не случайно в “евразийской” историософии эта держава рассматривалась как геополитический прототип позднейшей Российской империи.)

Однако только с приходом русских процесс административного устройства края приобретает необратимый и устойчивый характер. Первоначально, в XVII в., русская система управления, складывавшаяся на восточных территориях, не отличалась стройностью и единообразием, предполагала множество локальных особенностей. Политика государства по отношению к восточным территориям отличалась сложностью и динамизмом, вариативностью, которая обуславливалась ролью и местом, отводившимися той или иной территории в решении задач общегосударственного масштаба на разных этапах развития страны. При этом неизменным оставалось то первоочередное внимание, которое центральные органы государственной власти уделяли вопросам административного устройства и управления восточными территориями. Это богатство вариантов, проявившееся в приспособленной к региональным и локальным особенностям дифференциации систем административно-территориального управления, до сих пор в отдельных аспектах может представлять интерес для современных поисков оптимальных параметров административной реформы в России.

С эпохи петровских преобразований административно-территориальное обустройство Азиатской России проводилось в контексте

политики модернизации, предполагавшей в конечном итоге рационализацию и унификацию системы управления. При этом недостаточная интегрированность большинства восточных территорий обуславливала сохранение специфических черт в их административном устройстве на всем протяжении имперского периода истории России. К важнейшим последствиям административного устройства следует отнести ускорение процессов регионообразования в рамках Азиатской России. На протяжении XVIII–XIX вв. произошло оформление уральского горнопромышленного региона. Серединой XVIII в. можно датировать начало постепенного процесса административного разделения Сибири на Западную и Восточную, в основном завершившегося ко второй четверти XIX в. Административно-территориальное выделение Дальнего Востока происходит во второй половине XIX в.

Уже в ранний советский период регионы Азиатской России становятся полигоном для отработки новых моделей регионального управления на основе естественной экономической “самоорганизации” территорий вокруг сложившихся индустриально-экономических и административно-политических центров. Задачи рационализации управления в этот период сливаются с вопросами стабилизации новой политической власти, которая сделала ставку на ведущую роль индустриального рабочего класса и городов в организации огромной по территории страны. В соответствии с этим подходом именно на территории Азиатской России старое губернское деление подверглось существенному усовершенствованию. Политика районирования 1920-х годов положила в основу административно-территориального устройства страны крупномасштабные схемы комбинирования и рациональной кооперации производств. На востоке страны создание крупных областей и краев (организация Уральской области в 1923 г. была первым в стране опытом районирования на основе критерия рациональной промышленной организации) имело пионерный характер и особенно заметное позитивное значение, дав мощные импульсы складыванию здесь в перспективе региональных территориально-экономических комплексов. Однако применение экономико-географических подходов в практике административно-территориального устройства испытывало в 1920–1930-х годах давление с двух сторон: с одной стороны, его положительный эффект снижался параллельным процессом конституирования национально-государственных образований, создаваемых на основе этнополитических критериев, в русле реализации идеи национального самоопределения; с другой, само существование относительно самостоятельных крупных региональных образований бросало вызов централистской модели политического руководства, создание которой на рубеже 1920–1930-х годов мыслилось в качестве необходимого условия форсированной индустриализации и коллективизации. Эти противоречия достаточно остро проявляли себя на востоке страны,

где удаленность от центра и слабая освоенность территорий делали сохранение действенных структур регионального управления абсолютно необходимым (в связи с чем на отдаленных территориях Азиатской России в конечном итоге были сохранены крупные сложно-составные административно-территориальные единицы – края).

Расформирование в начале 1930-х годов крупных краев и областей на административно-территориальные единицы меньшего масштаба усилило, с одной стороны, централизацию экономической и политической жизни, а с другой, хозяйственно-функциональную специализацию регионов, которые в этом качестве становились объектами централизованного руководства и никогда уже не обрели прежней силы и влияния. Как бы то ни было, в результате сложился адекватный условиям России определенный оптимум, который позволил административно-территориальной системе, сложившейся в 1930–1940-х годах, просуществовать без больших изменений до сегодняшнего дня. Однако опыт развития регионов Азиатской России, особенно в периоды их интенсивного освоения, наглядно показывал, что эта система регионального управления не является безупречной и нуждается в дальнейших преобразованиях в соответствии с новыми хозяйственными и политическими задачами. В этом отношении Азиатская Россия – в силу условий и проблем своего развития – является территориальным объектом и своеобразной индикаторной системой, в целом более “чувствительной” к позитивным и негативным последствиям административно-территориального переустройства, а потому может служить своего рода лабораторией для административно-территориального реформирования страны.

В Азиатской России возникли наиболее развитые формы политического и культурного регионализма из когда-либо появлявшихся в российской истории. Важно при этом отметить, что этот регионализм существенно отличался как от остатков былой “областной” самостоятельности эпохи русского средневековья, так и от заимствуемых на идейно-литературной почве “романтизированных” новоевропейских версий. В Азиатской России регионализм развивался как естественный продукт значительной социально-территориальной дифференциации национально-государственной территории, нараставшей в процессе колонизации, и, отражая крупные, принципиальные сдвиги в социально-культурных способах жизнедеятельности населения восточных окраин, являлся реакцией на его практические интересы и нужды. По существу регионализм Азиатской России, сам будучи далеко неоднородным явлением, в разных своих формах представлял важным компенсаторным механизмом преодоления периферийности и фрагментированности социального бытия, характерных для осваиваемых окраин и усиливаемых бюрократическим централизмом. И это восстановление “полноты” социально-исторического бытия во многом происходило на новой, более прогрессивной, по сравнению с устоявшимися “европейско-русскими” традици-

ями, основе, поскольку вбирало в себя всю гамму самостоятельных жизненных проявлений и тенденций развития хозяйственно-культурного быта и самосознания народа. Поэтому формам регионализма, утвердившимся в Азиатской России, абсолютно чужд реакционно-ретроспективный пафос; они всецело обращены в будущее и предвосхищают перспективные линии социальной эволюции российского общества. В этом качестве регионализм Азиатской России – явление цивилизационное и цивилизующее.

Так, сибирское областничество – как наиболее раннее и достигшее зрелых политических форм регионалистское культурно-политическое движение – воплощало в себе широкий спектр развивавшихся на окраинах “свободных” форм жизнестроения и формировавшихся социальных интересов сибирского крестьянства, местной интеллигенции, торгово-предпринимательских групп и в известной части просвещенных групп “инородческого” населения. Прогрессистский, “американский”, акцент в идеологии и практике сибирских областников весьма симптоматичен. В этом отношении сибирское областничество предвосхищало и в какой-то степени подготавливало программу “Великих реформ” 1860–1870-х годов. Уральский регионализм как менее оформленная, но все же ясно проявившая себя идеологическая “программа” возникает в более поздний период и отражает дух и пафос набравшей силу капиталистической модернизации. “Индустриально-технократический” уклон, характерный для уральского регионализма, целиком связан с отстаиванием интересов и перспектив прогрессивной трансформации уральского горнозаводского хозяйства, его спасения от уничтожающей конкуренции быстрорастущих промышленных центров Европейской России и правительственного небрежения. В этом отношении уральский регионализм воплощал в себе широкий, видоизменяющийся спектр социальных интересов – от крупнопредпринимательских групп и местного чиновничества до технической интеллигенции и рабочих. Именно поэтому “программа” уральского регионализма могла после 1917 г. плавно перетекать в новый социально-идеологический контекст развития. Можно с полным основанием говорить о том, что во всех своих проявлениях регионализм восточных окраин являлся заместителем структур гражданского общества, которые в Европейской России не могли развиваться вполне свободно при том громадном институциональном давлении, которое было обусловлено традициями государственно-бюрократической опеки над общественной жизнью.

Воплощая в той или иной форме глубину народного инстинкта, урало-сибирский регионализм, как правило, откликался на запросы российской жизни более чутко и более верно, чем это в массе случаев могла делать российская власть. Исследование регионализма восточных окраин существенно ломает традиционные стереотипы восприятия феномена регионализма, в частности его отождествление с

проявлениями отсталого партикуляризма и сепаратизма. По самому факту своего рождения регионализм Азиатской России настолько же оппозиционен, насколько и конструктивен. За исключением самого раннего периода развития, утвердившийся на восточных окраинах России регионализм никогда всерьез не смыкался с идеями политического сепаратизма и дезинтеграции Российского государства. По преимуществу он представлял общественную силу, стремящуюся преобразовать российскую государственность на более справедливых и прогрессивных началах, но неизменно в ее целостном воплощении. Это – попытка приблизить власть к интересам населения, уравновесить чудовищную центростремительность российской жизни, которая в тенденции означала забвение властью законных интересов окраинных регионов и их деградацию, а значит, и конечное крушение самого исторически сложившегося государства. В этом отношении исторические уроки, которые дает регионализм Азиатской России, бесценны для осмысления современного этапа развития России. Этот опыт, в частности, показывает, что для России социально-территориальные неравенства и противоречия представляют не менее, а, возможно, гораздо более значимую и актуальную проблему, чем традиционно понимаемое неравенство социальных статусов и состояний.

Азиатская часть России имела огромное значение для страны в целом в экономическом, социокультурном, институционально-политическом плане. Она внесла неизмеримый вклад в укрепление экономического фундамента российской государственности. На первоначальных этапах освоения промысловая колонизация сыграла решающую роль в пополнении государственной казны за счет торговли мехами. Сибирские меха пользовались большой популярностью во всем мире и способствовали сохранению аборигенного населения как их основного поставщика.

Аграрное освоение необозримых просторов востока, с одной стороны, обеспечило продовольствием их население, что способствовало его закреплению в экстремальных природно-климатических условиях региона, а с другой, излишки сельскохозяйственной продукции давали большой доход казне. В 1913 г. в Сибири он превысил крупную по тому времени сумму – 600 млн руб. Только одно маслоделие превосходило стоимость продукции угольной промышленности в 8 раз, а золотопромышленности в 4 раза, что свидетельствовало о его высочайшей эффективности и доказывало возможности сибирского села, которые после революционных событий начала века были в значительной степени утрачены и требуют своего восстановления в современных условиях.

Мировую славу принесла Азиатской России ее промышленность, которая не только снабжала страну своими изделиями, но и являлась мощным арсеналом вооружений, особенно в годы военных потрясений. Уральское и сибирское оружие играло определяющую

роль в многочисленных войнах, а нередко, как, например, во Второй мировой войне, решало судьбу страны. Промышленное освоение переродило Азиатскую Россию, превратив ее из аграрной в индустриальную, что имело принципиальное значение на этапе модернизационного перехода страны.

В годы кризиса советской системы и начала либеральных реформ масштабы и темпы индустриального развития Азиатской России пошли на убыль. Она попала в тяжелый и затяжной кризис. В первые годы реформ в результате резкого сокращения капиталовложений их не хватало для простого воспроизводства основных фондов, что привело к их “проеданию”, т.е. они перешли в стадию разрушения.

Несмотря на тяжелое экономическое и социальное положение, сложившееся в ходе перестройки и рыночных реформ, Азиатская Россия продолжает играть роль донора страны и смягчает удары системного кризиса. Она остается главной топливно-энергетической базой страны, дает более половины экспорта и обеспечивает ее валютными ресурсами, в очередной раз спасая Отечество в новое “смутное” время.

Наличие в составе страны огромных территорий (пространственный резерв), богатых разнообразными, в том числе уникальными, ресурсами, в целом способствовало укреплению и сохранению существующих режимов как в социально-политическом (в этом следует видеть одну из решающих причин длительного существования абсолютистского самодержавия, а затем советского порядка), так и в геополитическом смыслах (например, крах многочисленных иноземных вторжений на протяжении XVII–XX вв.). В социально-политическом плане восточные регионы с их редким населением и слабой администрацией выполняли функцию удобного пристанища для недовольных из Европейской России. Возможность перемещения (как добровольного, так и принудительного) на восток из Европейской России позволяла до поры до времени решать некоторые проблемы центра страны за счет окраин, снижала остроту социальных отношений, замедляла переход от экстенсивных к интенсивным методам хозяйствования. Удаленность от центров бюрократического контроля позволяла развиваться на восточных окраинах жизнестойким росткам гражданского общества.

Особость восточных регионов (удаленность от центра страны, слабость и протяженность коммуникаций, малочисленность и низкая плотность населения, относительно низкий уровень развития экономических связей, неравномерность развития территорий и населяющих их народов) оказывала воздействие на характер политико-административной культуры страны в целом, усиливая тенденцию к росту ее гетерогенности (например, вследствие нераспространения или запоздалого распространения на территории Азиатской России некоторых норм общероссийского законодательства,

общероссийских институтов управления; длительное сохранение на различных уровнях особых, в том числе традиционных, форм управления; использование специфических регионально-отраслевых органов управления). В огромности территории страны, в значительной степени обеспечиваемой именно азиатскими ее частями, следует видеть одну из основных причин затрудненности проведения реформ, реформирования – отчасти отсюда вечная “драма российских реформ”. Восточные регионы укрепляли такую черту российской культуры и цивилизации, как “пограничность” с присущими ей атрибутами (социодинамическая напряженность, соединение в едином “открытости” и “закрытости”, интеграции и дифференциации, центробежности и центростремительности). Необъятность пространства России-Евразии нашла отражение в особенностях российского менталитета, закрепившего, с одной стороны, требование жертвенности, а с другой, давшего русскому человеку ощущение безопасности.

Вклад Азиатской России в развитие Российского государства огромен и многосторонен, как велики и разнообразны исторические риски, сопутствовавшие вращению России в Азиатский континент – в свое новое, еще не до конца освоенное геополитическое и цивилизационное измерение. Уже одно это сопоставление заслуг и жертв, достижений и их цены заставляет рассматривать Азиатскую Россию не как “осколок” или случайный “придаток” Российского государства, но как важнейший оплот и резерв его развития.